

Татьяна Александрова

ДРУЗЬЯ ЗИМНИЕ,
ДРУЗЬЯ ЛЕТНИЕ

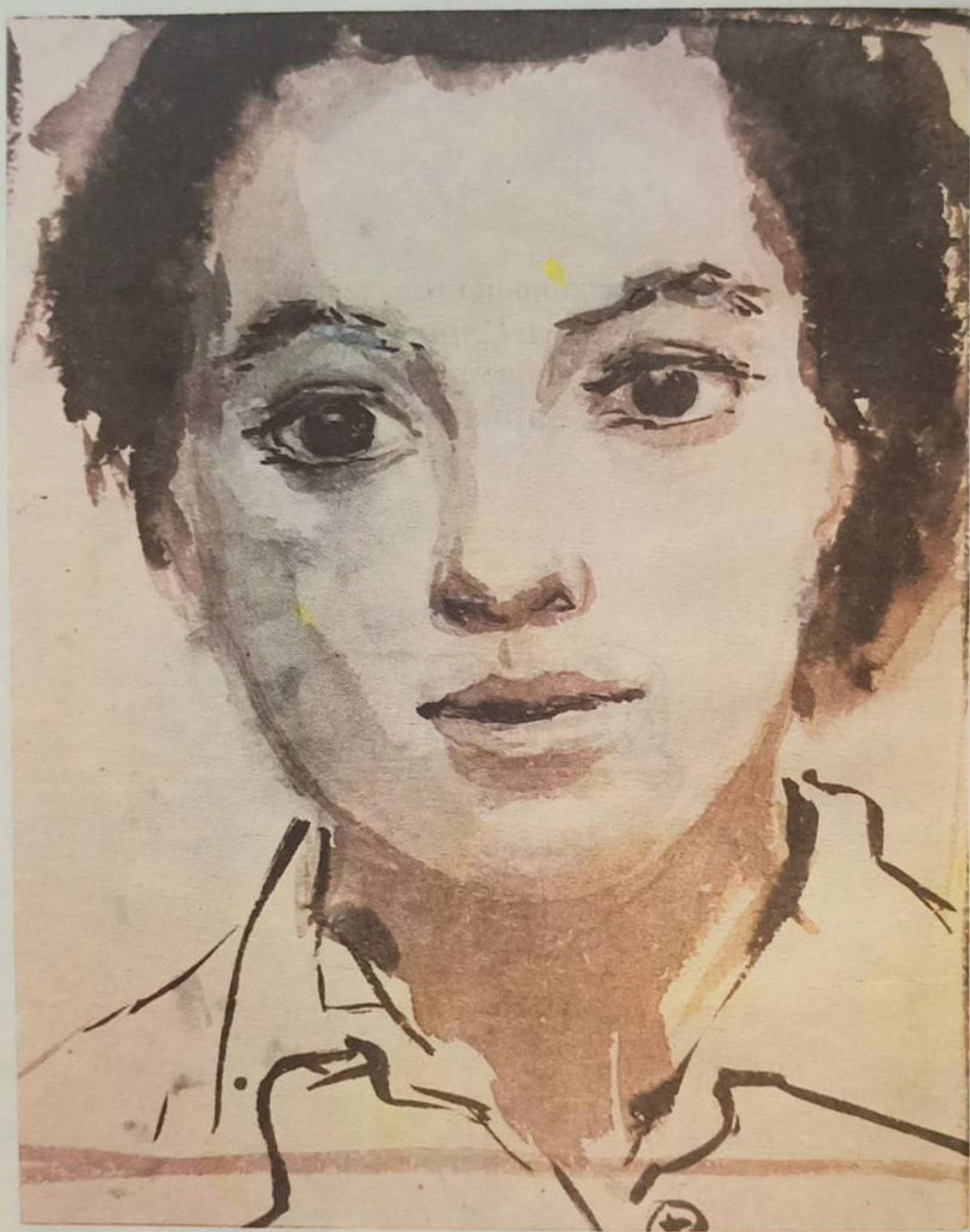

Производственное редакционно-издательское предприятие
«Два Слона»
Творческо-производственное предприятие-издательство
«Вариант»

Серия «В КРУГУ СЕМЬИ»

Татьяна Александрова

**ДРУЗЬЯ ЗИМНИЕ,
ДРУЗЬЯ ЛЕТНИЕ**

Э

Одесса
«Вариант» — «Два Слона»
1992

Книги Татьяны Александровой

КАТЯ В ИГРУШЕЧНОМ ГОРОДЕ

и

ВОЛШЕБНЫЙ САД

(в соавторстве с В.Берестовым)

СУНДУЧОК С КНИЖКАМИ

КУЗЬКА В НОВОЙ КВАРТИРЕ

ИГРУШЕЧНАЯ ШКОЛА

КУЗЬКА

ЛЯЛЯ ГОЛУБАЯ И ЛЯЛЯ РОЗОВАЯ

СКАЗКИ

А 4702010201—059
Б34(04)—92 Без объявл.

ISBN 5-8086-0041-3

© Александрова Т.И., Александрова Г.В.,
Берестов В.Д. Текст, иллюстрации,
составление, предисловие. 1992.

© «Два Слона». 1992.

Часть тиража распространяется благотворительно

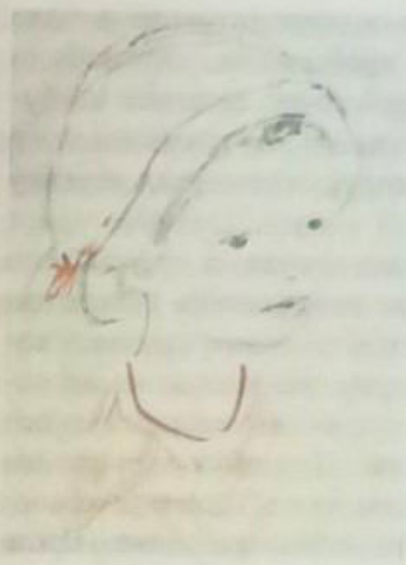
О перекресток детства! В мир безбрежный,
В его простор, желанный, неизбежный,
На юг, на север, запад и восток
Идут дома... Мой санный и тележный,
Мой деревянный, с виду безмятежный,
Садово-огородный городок.

Родина - не только место, где мы родились и выросли, но и время, в которое мы родились и которое вырастило нас. Родиной для Тани Александровой, будущей художницы и сказочницы (это она сочинила сказку про домовенка Кузьку), были дом и двор на московской улице Большой Почтовой - зимой, и дача в подмосковной Малаховке - летом. Потому и друзья у нее были разные, одни зимние, другие - летние. Я, конечно, говорю о так называемой малой родине. А во времени такой малой родиной были для нее тридцатые годы, когда она росла, и годы войны, когда сложился ее характер. В этой книге вы найдете рассказы о первой половине тридцатых годов, потом пропуск и сразу же - война. Что же пропущено? Оказывается, тридцать седьмой и три следующих за ним года. Татьяна Ивановна писала свою книгу в семидесятых годах, мечтала напечатать ее, да еще и нарисовать к ней картинки, где были бы и все ее друзья, зимние и летние, и родные. Но вряд ли рассказы о том, что было с ней и с ее друзьями в те страшные годы, могли тогда быть изданы. Как, например, не написать, что в семье Тани жила ее двоюродная сестренка Мурочка, которая считалась дочерью врага народа. А Танина мама была сестрой врага народа, потому что Мурочкина мама тетя Клавдия была арестована. По себе помню, что дети очень остро переживали то время, хотя взрослые старались скрывать от них свои беды, тревоги, страхи и тяготы. Но и в тех рассказах, какие Татьяна Александрова успела написать, тридцатые годы изображены правдиво, бесстрашно, и, наверное, потому их опасались печатать при ее жизни. Набрали в одной газете для новогоднего номера рассказ про елку в Колонном зале, да так и не напечатали.

Слишком уж видны были в этом рассказе бедность одних людей, мещанство других, наивность третьих и показуха четвертых. Эти рассказы начали печатать лишь во время перестройки. Но и тогда некоторые редакторы по привычке старались вычеркнуть, например, что Матрешенька, чуть ли не самая главная героиня этой книги, была няней, прислугой, а не бабушкой, как они предлагали ее называть, дальней родственницей или соседкой. Им было трудно примириться с тем, что Матрена Федотовна Царева, крестьянка из Поволжья, полуграмотная и, как тогда говорили, отсталая, определила судьбы двух советских девочек-близнецов (их так и звали Таньнаташа), что она, а не какая-нибудь организация или учреждение, привила им художественный вкус, любовь к искусству, к живому, необычайно богатому народному языку и передала им как наследство свою доброту, честность и добропорядочность. А своими сказками, песнями, пословицами, прибаутками, рассказами о деревенской жизни Матрешенька связала их с прошлым страны и народа. Впрочем, Матрешенька в этой книге - прежде всего член большой семьи. Семья - вот что главное в этих рассказах. Тут действуют и отец и мать (о них рассказано с большой любовью), и старшая сестра, и родственники, и семьи друзей и соседей. Понятия чести, совести, трудолюбия, собранности, внутренней независимости, способность сочувствовать, понимать, прощать, - все это от семьи. Она и в те трудные и грозные времена продолжала жить своей доброй, мирной и честной жизнью. В этом-то семейном кругу и побывает читатель нашей книги. А что не досказала писательница, может быть, доскажет художница. Некоторые ее работы мы сделали рисунками к этой книге.

Валентин Берестов

ОПАСНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Нам с сестрой было тогда по пяти лет. Домашние называли нас Таня и Наташа, а все прочие - Таньнаташа, и меня и сестру, чтобы не ошибиться. «Таньнаташа выйдет?» - интересовались друзья. Мы с Наташей - близнецы, двойняшки, как тогда говорили.

Летом мы жили на даче. Потом пришел грузовик, увез в Москву нашу старшую сестру и всех остальных вместе с вещами. Мы с Наташей и мамой ехали домой на электричке. Вылезли из поезда, из детского вагона (был такой вагон специальный, в середине каждой электрички, весь в ярких картинках снаружи и внутри), подошли к краю тротуара и остановились. Сейчас на главную вокзальную площадь Москвы (она называется Комсомольской) стекаются автомобили, трамваи, троллейбусы, а людям хоть бы что. Спустились по ступеням и - в любую сторону по подземным переходам. А тогда...

С одной стороны - два с половиной вокзала, с другой - один, зато громадный. Но та, противоположная сторона, скрыта в неизвестности, как тот берег в море.

Желтые, красные трамваи, черные автомобили, лошади с телегами, люди с повозками, велосипедисты, автобусы -

все это мчалось, несло перед нами, стремительно летело по мостовой. Трамваи звенели и дребезжали, автомобили гудели, лошади ржали и цокали копытами, выбивая из булыжников огонь, возчики кричали, водители трамваев тоже кричали, высываясь из окна и непрерывно дергая веревку звонка.

Море шума, гама, криков, грохота, гула, а трамвайные звонки, как всплески волн. Тогда не запрещалось гудеть автомобилям и звенеть трамваям: гуди и звени сколько хочешь, что они и делали. Возможно, не запрещали из-за лошадей. По улицам в ту пору бегало много лошадей с повозками, с телегами и с жеребятами. Попробуй запрети им ржать. А трамваи и автомобили чем хуже? Вот они и звенели и гудели, кто кого перегудит или перезвонит. Пыль над площадью - тучей!

Наверное, пешеходные дорожки через площадь еще не изобрели. А может, дорожки и были, только никто не знал, где. Мы стояли, стояли, потом мама крепко взяла наши руки и мы все бегом - за прыгающей по булыжникам телегой (колеса выше нас с сестрой), перед гудящей автомашиной, сзади автобуса.

Спотыкаясь о булыжины, мы пробежали сзади большого серо-зеленого грузовика, подождали, пока промчатся мимо нас три желто-красных вагона, прицепленные друг за другом. В переднем вагоновожатый в фуражечке напряженно глядел вперед, не отрывая руки от звонка. Трамвай трясся и оглушительно звенел. Из его открытых окон дети и взрослые с восторгом глядели на громадную площадь, на нас с мамой. Трамвайные пассажиры, не уместившиеся внутри, гроздьями висели на распахнутых дверях, держась за поручни и друг за друга.

- Никогда так не делайте! - кричит мама, наклоняясь, чтобы мы расслышали.

- И так тоже никогда не делайте! - еще громче кричит она, указывая на мальчишку, весело махавшего нам.

Мальчишка ехал у трамвая на хвосте, там была такая штуковина, железная, что ли. На ней всегда бесплатно ездили мальчишки, куда и сколько хотели, называлась она - «колбаса». Новые усовершенствованные трамваи были без

колбасы, и мы сердились на взрослых, что они не подумали о мальчишках, и лишили их такого вида транспорта.

Мы с мамой бегом пересекли трамвайные рельсы, пока они были свободны, и остановились перед вторым таким же потоком, летящим в обратную сторону. И вдруг - чудо! Мостовая свободна, совсем близко светлый тротуар и высокие желтые дома, неподвижные, даже на вид теплые от солнца, смотрят на нас добрыми окнами.

Я выдернула свою руку из маминой и - перед потоком - к спасительному тротуару, к огромным спокойным домам, которые смотрят на нас добрыми окнами. Водители, шоферы и кучеры, наверное, глазом не успели мигнуть, понять, что это такое синее, мелкое мелькнуло перед ними, а я уже на тротуаре, в полной безопасности, смотрю, как сквозь бегущие лошадиные ноги, в просветах между колесами машин, мелькают мама и Наташа с застывшими от ужаса лицами.

Пытаясь не терять их из виду, я пачусь и пачусь к стене дома, желтой, теплой от солнца. Ветер рвет на мне синюю матроску, пронизывает насквозь кофточку, сорочку, юбку.

Я пачусь и пачусь, чтобы прижаться к теплой стене. И вдруг лечу неведомо куда. Лечу, лечу и опускаюсь на что-то белое, мягкое. И вижу совсем рядом уши. Сажу на чем-то и смотрю, как эти уши краснеют. Потом вижу черные кудрявые волосы, чей-то затылок. Я сажу на плечах у кого-то в белом, держусь за его шею. Молча начинаю потихоньку спускаться с чьей-то белой спины. Сандалии забрались в чей-то карман. Кто-то - и тоже молча - достает мою ногу из кармана, тихо помогает соскользнуть по собственной спине вниз на покатушку шероховатую доску. Доска спускается глубже, глубже, и зеленые шары медленно катятся по этой доске, скрываются в черном отверстии.

Я держусь за край потрепанной штанины. Мимо большого рыжего башмака катятся и катятся вниз зеленые капустные кочаны. Мы неподвижно и молча приходим в себя. Наверное, дяденьке не каждый день сваливаются с неба на голову девочки в синих матросках.

Вдруг становится темней. В голубом светлом проеме на

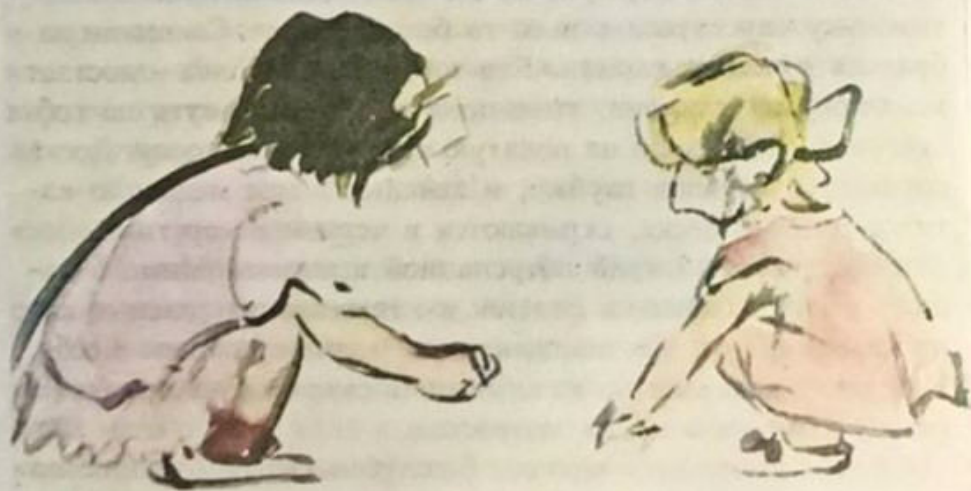
фоне бегущих облаков узнаю два лица - Наташино и мамино. Милые, теплые, родные лица. Я протягиваю к ним руки. Наташа протянула ко мне свои. Но темная мокрая кирпичная стена была слишком высока. И тогда красный дяденька вытер о белый халат свои большие красные ладони в темных трещинах, поднял меня, поставил на широкую доску и осторожно переправил наверх.

И пока мама говорила всякие благодарные слова красному дяденьке, мы с Наташей молча отошли и прислонились к теплой стене дома, в котором был подвал для хранения овощей.

ПАПИН ПИСЬМЕННЫЙ СТОЛ

Когда мы были дома одни, Матрешенька занималась хозяйством: мыла, стряпала, убиралась, а мы сидели за каким-нибудь столом: большим обеденным в столовой, письменным папиным в кабинете, или за нашим столом в детской, в зависимости от того, какой стол был уже убран и в какой комнате было вымыто, и рисовали.

А под папиным столом мы с Наташей иногда сидели и шепотом играли. Письменный стол был очень удобен для игры. Играть под столом можно было во что угодно и очень интересно. Там получался маленький домик. Если захочешь выпрямиться, то не сможешь, в домике под столом можно

было только сидеть и ползать. Там были две блестящих коричневых стены, зеленая настоящая стена и деревянный желтый потолок. А дверь можно было повесить - заткнуть в верхний ящик или закрыться большим креслом.

Вот вошла Матрешенька. Думает, мы в прятки играем. А мы играем в комиссию.

- Погодите, гражданка! - строго говорим мы Матрешеньке, - вас вызовут.

Чего-чего не было в папином письменном столе! Мы-то хорошо знали. Правда, папа запирает его иногда, но Матрешенька знала, где ключи, и открывала нужные ящики. И мы аккуратно перебирали бумаги. Это были не очень интересные ящики, но там попадались чистые листы бумаги, мы вытягивали их и радовались вместе с Матрешенькой, звали ее для этого из кухни. Бумаги для рисования нам не хватало всегда.

Ящик, где были гвоздики, шурупчики, проволоочки, гайки, был интересен, но не очень. Самым интересным был ящик с охотничьим снаряжением: тугой мешочек с дробью, картонные гильзы, литые пульки, цепкие колючие крючки.

Один раз, правда, не в охотничьем, а в бумажном ящике мы нашли револьвер, блестящий, тяжеленный. Решили поиграть в войну. «Красными» хотели быть я и Наташа. Сделать «белыми» игрушки пожалели, мы их любили.

Решили, что «белые» - наши отражения в зеркале и надо их расстрелять.

Грохот был такой жуткий, что я даже не испугалась. Я заплакала только когда прибежала из кухни Матрешенька, и лицо ее было белее бумаги, на которой мы рисуем. Она тоже заплакала, сунула револьвер под матрац и позвала папе.

НЕЧАЯННО

К нам пришли поделиться радостью тетя Нюра с дочкой Лузочкой. Наш дом большой, пятиэтажный, поэтому соседи по дому делились с друг другом, в основном, ново-

стями, а соседи по подъезду — не только горем, радостью или новостями, но и солью, спичками, хлебом.

Лузочка с мамой, папой и двумя сестренками, младшей и старшей, жили как раз над нами, на пятом этаже, в большой, очень чистой, аккуратной и красивой комнате. Там всюду лежали вязанные крючком кружевные или вышитые белые салфеточки. Соседи называли тетю Нюру хорошей хозяйкой и очень уважали: трое детей, зарплата мужа невелика, а дети всегда ухожены, дома порядок. Лузочкиного папу (он потом погиб на фронте в сорок четвертом году) все хвалили за доброту и хорошую работу и, вздыхая, добавляли потихоньку, что он иногда может выпить лишнее.

Лузочка с мамой пришли показать, какую чудесную матроску удалось купить. Обычно тетя Нюра сама шила девочкам одежду: и дешевле, и мануфактуру достать легче, чем готовую вещь. А тут отец получил премию к празднику, и в магазине оказались эти матроски.

Ну и матроска! Мечта всех ребят и их родителей! Тетя Нюра и наша няня Матрешенька поворачивали Лузочку и так и эдак, любовались и все повторяли, какая замечательная матроска: кофточка в самый раз, плечики не тянут, юбочка впору, не длинна, не коротка. И главное — чистая шерсть, тонкая, блестящая, совсем не мнется.

Помнут складочку — отпустят: и правда, складочка висит, будто ее и не трогали. Мелкие складочки, одна к одной. Это называется (я с тех пор запомнила) — плиссе.

— И в праздник на люди выйти, и в будни носи сколько хочешь, материал немаркий, постирать, и как новая. Сносу ей не будет, еще младшим достанется, — радовалась Матрешенька.

Лузочка, розовая от смущения, от стольких взглядов, устремленных на нее одну, послушно поворачивалась в их руках, и ее легкие светлые волосы взлетали и казались еще светлей, а глаза — еще синей от синей матроски. Лузочке и нам с сестрой было не важно, чистая шерсть или нет. Главное — большой матросский воротник и на нем две полоски, красная и синяя.

Запахло чем-то подгорелым, взрослые ушли на кухню, мы остались одни. Мы с сестрой сидели за столом, на ко-

тором альбомы, краски, кисти, вода в баночке, цветные карандаши. Перед приходом гостей мы точили карандаши. Рисовали мы с сестрой много, и, чтобы не отрывать взрослых от дела, сами научились точить карандаши. Нам было тогда немногим больше пяти лет, а Лузочке чуть меньше.

Лузочка стоит рядом, мы смотрим друг на друга, совершенно счастливые, и смеемся. Тихо, комната полна солнцем, еще только утро, а мы уже вместе и впереди целый день. И не зная, что делать от радости, я взяла бритву, провела ею по воздуху и говорю:

— А вот мы сейчас разрежем эту прекрасную матроску!

— А вот не разрежем! — понарошку пугается Лузочка и отклоняется, и мы все хохочем, как дурочки.

— А вот и разрежем! — Я протягиваю руку с бритвой и провожу лезвием возле самой матроски.

— А вот и не разрежем! — еще больше для вида пугается Лузочка и мы все трое хохочем еще громче.

— А вот и разрежем!

— А вот и не разрежем!

И вдруг матроска у меня под рукой распалась, стала

видна тонкая Лузочкина шея и белая аккуратная нижняя рубашечка. Круглые проймы лежали на двух тонких косточках, которые мы на тогдашнем уровне знания анатомии называли ребрами и лишь потом узнали, что это ключицы.

Раздался такой дружный рев, что взрослые мигом очутились рядом. Когда, наконец, силком оторвали мои руки от лица, я увидела сестру, которая печально глядела на меня и Лузочку, тонкими руками прижимавшую края матроски один к другому, как будто они могли срастись. Губы у Лузочки дрожали, а глаза, полные слез, с великой жалостью были устремлены на меня.

Тетя Нюра взяла дочку за руку и тихо увела домой.

Вечером (мы уже легли спать) вернулись с работы наши родители, и я слышала негромкий долгий разговор на кухне. Потом Матрешенька поднялась на пятый этаж к тете Нюре, а когда вернулась, я услышала ее шепот: «Нет, говорят, никаких денег не надо. Это же, говорят, дети. Они нечаянно...»

Лузочка изредка носила эту матроску, но в будни, а не в праздники. Кофточка была очень аккуратно зашита. Только все равно был виден длинный, от воротника до пояса, шов. Ведь материал был тонкий, блестящий, чистая шерсть.

МОЙ ОТЕЦ - ПИЛОТ

Мы с Наташей сидели в детской и слушали детскую передачу. Круглое радио висело у нас на стене меж двух огромных окон. Мы смотрели на него и на голубое небо в окнах. Потом радио долго и интересно говорило о самолетах, дирижаблях, о полетах на Северный полюс, читало стихи.

Когда передача кончилась, мы начали играть, а радио сказало: «Перерыв на пятнадцать минут». Тогда были такие перерывы, и мы всегда думали, что в эти перерывы делают? Кушают, наверное. Что кушают? Наверное, котлеты. С макаронами или с пюре?

И тут я нечаянно придумала стихотворение, слова как-то сами по себе пришли в голову:

*Мой отец - пилот.
У него - самолет.
Он летает над полями,
Над лесами, над лугами.*

Я очень обрадовалась и сказала стихотворение Наташе. Наташа тоже очень обрадовалась, с гордостью посмотрела на меня и побежала в кухню к Матрешеньке, крича:

- Какое Таня стихотворение придумала!

Дело было в выходной. Папа с мамой и Светланой куда-то собирались, но к литературе они относились с огромным уважением. Папа снял пальто, отыскал толстую чистую тетрадь, положил ее на большой круглый стол, рядом поставил большую стеклянную чернильницу, очень красивую, с письменного стола. Папа сам большими ясными фиолетовыми буквами переписал сие произведение. Сказали: «Ну, пиши теперь дальше!» - и ушли, тихонько притворив дверь.

Я сидела одна в комнате. Высоченные чистые стены. Далекий потолок. Коричневый шкаф будто падал на меня. Тишина. Потолок начал отодвигаться, расти, холодный, белый, стены - раздвигаться, подниматься, чужие, незнакомые. Коричневый шкаф стал еще более коричневым, наклоняется на меня всеми стенками и углами.

Стол, за которым я сидела, тоже начал расти. Скатерть суровая колетса. Стеклянная чернильница стала уж совсем огромной и чужой. А самыми чужими были фиолетовые строчки в громадной тетради про какую-то девочку, у которой отец летит над полями, лесами и лугами. Я тихо сползаю со стула и убегаю от всего этого без оглядки.

КУВШИНЧИК

Мы играли на нашей стороне двора. Окна нашей квартиры и двери наших подъездов выходили на эту сторону, она и называлась нашей. Наша сторона была очень знакомая, каждый камушек, каждая загородка, сломанная или пока не сломанная. Но зато в земле было немало прекрасного.

Что стояло давным-давно на месте наших больших кирпичных домов, которые называются корпусами, Городком имени Буденного, - неизвестно. Может, были чьи-нибудь усадьбы или просто улица, и кто-то нечаянно потерял, а мы нашли крошечный, с ноготь на мизинце, кувшинчик. Он был твердый, голубой и тяжелый, как камушек, немного блестящий и был удивительно красив.

Мы оттерли кувшинчик от пыли. У него были две кро-

шечные ручки и тонкое горлышко, а по стенкам кувшинчика, да, да, кругом, по всему голубому кувшинчику танцевали удивительно красивые тети в длинных платьях. Тети держали друг дружку за руки, все до одной смеялись, и кудрявый мальчик летел вверх и махал луком и стрелами, и вокруг были цветы; все это выпуклое, голубое. Мы долго сидели на земле, передавая кувшинчик друг дружке и поднося его к самым глазам.

Вдруг упала какая-то тень. «Божья коровка?» - спросил сверху скучающий голос. Мы подняли глаза. Большая девочка, очень большая, она уже училась в седьмом классе, остановилась возле нас.

- Нет! - ответили мы гордо. - Совсем не божья коровка! - И протянули ей кувшинчик.

- А-а, - скучая, сказала она, быстро осмотрела всех нас и отдала нам кувшинчик.

Она ушла, и мы начали сухой травинкой выковыривать

землю, набившую кувшинчику горлышко. Интересно, внутри он пустой и, может быть, в него нальется капелька воды? Но травинки ломались, прутик был слишком толст. Решили отнести кувшинчик домой и выковырять землю иголкой.

Мы все еще любовались нашим сокровищем, когда в поле нашего зрения попали ноги. Большие толстые ноги в носках и туфлях. Три пары ног топтались вокруг нас.

- Покажите, ребятки, этим девочкам ваш кувшинчик, - сказала давешняя большая девочка.

Большие девочки, на которых мы смотрели только издали - с восхищением глядели, как они играют в волейбол, какие у них красивые косы и сами они - красивые и сильные, незнакомые девочки с соседнего двора - в чижик, прятки и казаки-разбойники они не играли, через веревочку не прыгали. Мы с уважением наблюдали, как они проходили мимо нас под руку, рассказывая друг дружке что-то неведомое нам, наверное, интересное и сложное, и даже не мечтали, что они посмотрят на нас.

Мы радостно протянули им голубой кувшинчик.

- Это совсем не старинный, так, подделка какая-то! - фальшивым голосом сказала первая девочка.

- Да, ерунда какая-то, совсем некрасивый, в него и играть толком нельзя, так, чепуха! - быстро заговорила другая.

- Да-да, чепуха, никому-то он не нужен! А вот это другое дело! - И девочки сунули нам деревянный самоварчик, какие попадались в новогодних хлопушках или в круглых шоколадных конфетах, конфета была внутри пустая и называлась бомбочкой, и в ней что-нибудь лежало: такой самоварчик, леденец или просто копеечка. - Смотрите, какой хорошенький!

И большие девочки быстро ушли, унося голубой кувшинчик. Где они жили, в каких квартирах, мы не знали. А если бы и знали, все равно не побежали бы. Такой кувшинчик разве отдадут?

Сразу стало скучно и холодно. Мы увидели, что солнце почти скрылось вдали за крышами домов и стало темно.

Мы бросили на землю деревянный самоварчик и долго,

молча смотрели, как уходили большие девочки. И так неприятны были их длинные широкие спины.

СТУЛЬЧИК

Напрасно говорят, что девочки дружить не умеют. Прекрасно умеют!

Мы так весело, так хорошо играли вместе: Луза, Галя, Света, Зося, Люся, Нина, мы с Наташей. То Галя заболит, то Нина, то я или Наташа, все равно оставшихся здоровых хватало. И вдруг стало не хватать Светочки. Нет ее и нет, нет и нет. Пропадает куда-то и все. Сначала мы не замечали, а потом, ничего не поделаешь, не хватает. Дни идут за днями, а Светы нет и не хватает ее в играх.

Некоторые игры из-за нее не получались. Например, «Голый король». Луза была для главной роли слишком худ. Зося смеялась как раз в самом серьезном месте. Мы с Наташей были ткачами. А «Голый король» должен быть упитанным, и трусики, и рубашка у него должны быть с кружевами. Света подходила по всем этим статьям.

И в пряталки без нее играть стало тоже не так интересно. Светка так смешно пугалась, когда не успевала выручиться и ее находили.

Увидим ее в окошко, залезем на подоконник, кричим в форточку: «Света! Приходи к нам!» Не идет. И на дворе сразу куда-то денется. Видим, играет возле своего подъезда (она жила в третьем, а мы в первом) с другими ребятами, бежим за ней. Нет, уже куда-то делась.

- Что-то Света к вам не приходит. Или поругались? - спрашивает Матрешенька.

- Нет, не поругались, совсем не ругались, - отвечаем мы.

Какой-то чужой стал ее подъезд. Проходим мимо окна - слышны звуки музыки. Света дома, учится играть.

И на ледяных дорожках кататься без нее не очень интересно - ведь лучшие ледяные дорожки возле третьего подъезда: там живет много больших мальчишек из пятых-шестых классов, они лучше всех раскатывают эти дорожки, даже поливают их потихоньку от взрослых. А третий - Светкин родной подъезд. В случае чего всегда можно было кричать: «Мама!», и Светкина мать тут же посмотрит в окно на первом этаже.

Но Светка пропадает и пропадает, и мы почти не катались на ледяных дорожках. Ну, что это за дорожка - в две ступни? А длиннее возле нашего подъезда не было, потому что на первом этаже жила Мария Михайловна, которая всегда смотрит в окно, даже ночью, не раскатывает ли кто ледяных дорожек.

Весна началась, окна широко распахнуты, во дворе солнце, ручьи. Как-то видим: Света возле своего подъезда. Попросились у Матрешеньки гулять, выскакиваем из подъезда. Светочка стоит спиной к нам, в синем берете, в ботах, играет с малышами. Мы - к ней: «Света! Светочка!» Она - бегом от нас. Да так быстро, как никогда не бегала. Всегда, бывало, Луза перегонит ее или наша Наташа.

Бежит от нас, от нашего двора к чужому двору. Мы за ней. По лужам, по ручьям. Кричим: «Стой! Стой, Светочка!» Ловим ее, хватаем за руки, за пальто. Она кажется немного чужой в новом красном пальто, в новой береточке, молча вырывает руки, глаза полны слез.

- Пошли гулять! - зовет Луза. - Мы давно с тобой не играли!

Света как заплачет. Села на землю в своем новом пальто, наклонила голову. Горько-горько плачет и говорит:

- Я не буду! Я больше никогда не буду!

- Что не будешь? - спрашиваем мы и тоже садимся на землю рядом. - С нами играть не будешь?

- Стульчики ломать не буду! - еле говорит сквозь слезы Света и плачет еще горше.

- Какие стульчики?

- Для кукол, небольшой! Я села на него, а он рассыпался!

Оказывается, давным-давно, еще осенью, до елки, когда мы играли у нас дома - во дворе все время шли дожди, Светочка села на маленький игрушечный стульчик (Света побольше куклы, ну, стульчик и сломался). Светочка ушла, и так мучил ее этот сломанный стульчик. И дома никому не сказала. А мы-то и не заметили, никто не заметил, что стульчик сломался.

ОСЬМИНОГИ И КОРОВА

- Осьминоги! Хватают за ноги! Сейчас высосут всю кровь!

Летим по комнате к большому дивану. Там остров. Не обитаемый, но вполне безопасный. Еле умещаемся на нем, и Зося, и Люся, и Светка, и Лузочка, и мы с Наташей. У Лузочки нога не умещается, торчит из-под диванного валика. Из-за чемодана под кроватью торчит Славкина пятка. Оба становятся добычей осьминога.

Осьминог - обычно наша старшая сестра Светлана. Никто лучше ее не шипит, не хватает своих жертв и не тащит их на съедение в какой-нибудь укромный уголок. Например, в ванную, если в квартире нет взрослых. Сейчас Матрешенька дома, в ванную и в кухню нельзя. Взрослые не разберутся, подумают, что маленьких обижают.

Правда, в ванной нас не едят, наоборот, кормят. В нижней части двери там круглые дырочки. В эти дырочки

Светлана проталкивает хлеб с горчицей и солью. Пленник обязан съесть все это: дело чести! Сидеть в ванной очень интересно. Прибывают новые пленники, рассказывают свежие новости. Сережка, например, выдал себя тем, что пискнул, когда его нечаянно придавили чемоданом. А того, кто лежал в передней на сундуке под шубами, Светлана так и не нашла, он всех и выручил.

Иногда в ванной нам с Наташей приходится учить трудные иностранные слова. У нас была корова, небольшая, твердая, холодная, с тонкими ногами и толстым животом, гуттаперчевая корова или целлулоидная. Старшая сестра, человек упорный, заперла нас с нею в темной ванной и, пока не выучим два этих слова, оттуда не выпускала. Потом она отняла у нас это животное и подарила на день рождения братику или сестренке одной из своих подруг. Мы не жалели: корова была жесткая, холодная, ноги тощие, живот толстый, голова маленькая. Какая-то глупая корова. Но мы на все были согласны, даже учить эти жуткие слова «гуттаперчевая» и «целлулоидная», только бы старшая сестра играла с нами.

НАШ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Солнечные квадраты сияют на стенах. Дома тепло-тепло. И удивительный запах теплых пирогов.

Значит, сегодня выходной день!

Я выскакиваю из кровати, чтобы бежать в кухню к Матрешеньке, и чуть не падаю, споткнувшись о велосипед. Большой, железный, зеленого цвета, на трех колесах. Вчера его тут не было.

Сегодня наш день рождения, вот что! Мой и Наташин. Я бегу к Наташе. Она только что села в кровати и, не отрываясь, глядит на стул возле кровати. А на стуле большая, красивая, нарядная кукла. Не простая - с закрывающимися глазами! Мы ахаем, хватаем куклу, кладем ее - хлоп-хлоп глазищами. Мы вспоминаем, нас спрашивали на днях, что бы мы хотели на день рождения. Я, не задумываясь, ответила: «Велосипед!», Наташа: «Куклу с закрывающимися глазами!»

Я в ночной рубашке и босиком мчусь на велосипеде в кухню лихо разворачиваюсь, будто век ездил, влетаю на полном ходу. Матрешенька обнимает меня.

Наша милая хорошая няня Матрешенька (по-настоящему ее зовут Матрена Федотовна Царева) пришла к нам, когда нам с сестрой исполнилось два месяца. До ее прихода у нас перебивало несколько нянь, даже специальная сестра по уходу за младенцами. Да как-то не ужились, не захотели остаться. Хотя отец и мать были очень хорошие и, как тогда говорили, простые люди. Мать, совсем молодая, только из университета, врач. Отец окончил лесной техникум, работал по всей стране по лесосплаву. Он то уезжает в командировки, то приезжает из них, и привозит очень

много всякой рыбы, которую сам наловил. У нас с Наташей деревянные желтые кровати. Папа их сам сделал. Мы помним, как он их делал, у нас на глазах.

О нем - лучше отдельно. Интереснейший, талантливейший человек. Человек будущего. Как бы его там больше поняли, как бы он был на месте, как много прекрасного сделал бы. Он и так много сделал. Сколько людей так, наверное. Видимо, они и двигают жизнь (не время, время само движется). Это ужасно неправильно, примитивно: «покорять природу», «двигать время». Что время, мебель, что ли? Отец - человек абсолютной честности. Простой, деревенский, из крестьян Симбирской губернии. Он может ошибаться, но нечестным быть не может. С мамой они познакомились в отряде Красной гвардии по дороге в Туркестан в восемнадцатом году. Маме тогда было восемнадцать, папе - двадцать семь лет.

Уж не знаю, мы или родители понравились Матрешеньке. Соседи пугали ее трудностями - уход сразу за двумя малышами. Все, кто за это брался, ушли.

- Ну, они ушли, и Бог с ними! А я останусь! - сказала Матрешенька соседям.

Итак, мы с Наташей босиком, в ночных рубашках, на кухне. Там солнце и Матрешенька у чистого большого стола. Улыбается нам, быстро-быстро стучит огромным ножом по светло-зеленой капусте. Она в очень чистом платке (и цветы на платке), и в клетчатом фартуке. А еще на столе круглая белая горка. Это тесто. Рядом с большой - много маленьких тестяных горок.

- Пусть подходят! - говорит Матрешенька, быстро отрезает от большой горы кусок, и гора тут же сползает, но остается такой же правильной, только чуть-чуть поменьше; и режет тесто на одинаковые кусочки и быстро обваливает каждый в муке.

Мы радуемся и тоже пробуем валять в муке кусочки теста, но только пальцы вязнут в липком тесте. Вытираем руки обо что попадется.

- Вы умойтесь, оденьтесь, - говорит Матрешенька, - и придете достряпывать.

Мы убегаем и тут же прибегаем обратно спросить:

- А ты какие пироги сегодня печешь?

- Большой, с капустой, в печи сидит, - объясняет Матрешенька. - Вот начинка осталась, поешьте! С мясом и рисом пирог, саго еще есть, если хватит теста.

- А с вареньем? А плюшки?

- Ну, будь по-вашему. Сагу на следующий раз оставлю. И запекает свою любимую частушку:

*Скоро будет новоселье,
Нам лепешек нанесут,
И помажут, и покажут,
А покушать не дадут.*

Что такое дом? Может быть, дом для того, чтобы отгородиться от темноты, от ужаса неизвестности, неожиданных опасностей, угроз? Совсем как в первобытной пещере. А теперь дом еще и защита своего душевного мира, выражение его.

А тщеславие? А хвастовство? Бог с ними!

НАША МАТРЕШЕНЬКА

Матрешенька очень любила завязывать лентами занавески. Повесит их и наденет белый чехол на спинки наших кроватей (сошьет новый или постирает старый). Сразу подвяжет розовой лентой или голубой, а то разными, какие будут: один чехол - красной, другой - белой ленточкой. И занавески на окнах тоже подвязаны бантами. Если не было ленты, Матрешенька шила ее сама из каких-нибудь лоскутов. Мы сидели рядом и смотрели, как она шьет. Быстро-быстро крутит колесо, громко стучит машинка, под иголку бежит материя.

- Ну, как ты, как ты, Матрешенька, палец не прошила? Убирай скорей руку!

Было страшно смотреть - вдруг пришьет палец. Но ни разу не пришила Матрешенька палец. И в мясорубку рукой ни разу не попала, а так было страшно смотреть, как крутится и крутится внутри винт, подхватывает, перемалывает мясо - вот-вот отхватит, провернет палец.

И цветы были подвязаны лентами. Эти ленты были почти всегда из лоскутков. Обернет Матрешенька цветочные горшки бумагой, да не простой, а вырежет ее кружевами. Больше всего мы любили, чтоб были на узорах человечки. Обернет горшочки такой бумагой и повесит на каждом большой яркий бант.

Мама никогда ничего не говорила. Приходила: уютно-чисто - и ладно. В ее комнате бантов не было ни одного, и горшков с цветами не было.

Еще Матрешенька всегда так усаживала наши игрушки, чтобы им было удобно. Примостит кукол, поросенка, лошадку как следует, повяжет кому надо бантики, сошьет платице. Мы придем со двора, из школы, - они сидят румяные, чистые.

Усадит их, а сама сидит, вяжет нам варежки или носки, или перешивает себе сарафан из старого маминого костюма, или нам шьет платица с отделкой из своего, из Светланиного, из маминого костюма.

Или пишет письмо в Казань своей дочке Шуре. Семь детей было у Матрешеньки, осталась одна дочка. Темная

жизнь в деревне, бедность, уморила троих. Еще трех - война и голод. Уцелела самая цепкая - Шура. Ей и пишет письмо Матрешенька большими печатными буквами:

«Здравствуй, милая дочка Шура! Как ты живешь? Как живет твой сын Вадим и другой сын Славка, и твой муж Федор? Как ваше здоровье? Не пьет ли муж снова? Если пьет сильно, скажи, что я ему не велю. А то пусть ко мне приезжает».

Или читала нам вслух книжки, большие, яркие, с картинками. Если картинки были серыми, мы их сейчас же раскрашивали. Читала, медленно шевеля губами, часто не все слова удавалось прочесть сразу, мы ей помогали, подыскивали слова. Очень мы любили книги.

Самые хорошие были выходные дни. Сначала они так и назывались выходными, а потом стали называться воскресеньями и наступали уже не через пять дней, а через

шесть, на седьмой. И хотя выходных стало меньше, но Матрешенька и ее подруги довольны.

- Так-то по-Божески, - говорила тетя Наташа басом.

Днем Матрешеньке некогда.

- Нянечка, нам скучно.

- Сейчас оркестру позову!

Вечером рассказывала нам сказки. Особенно, когда мы были маленькими. Потом научила нас рассказывать их друг дружке. Уставала за день. Рассказывает, рассказывает, а слово за слово цепляется, слова длинные, голова падает.

- Ну, Матрешенька, ну!

- Не мешайте спать нянечке! - говорит мама.

Особенно мы любили сказку про Царевну-лягушку. Рассказываем ее друг дружке. «Тарас!» - говорила Наташа тайное слово. Это означало: «Таня, рассказывай!» Или - к Матрешеньке. Вяжет что-нибудь вечером, сидит на своей кровати. Мы сидим рядом с двух сторон.

- Жил-был царь. Были у него три сына.

Первые два царевича нас не интересуют. То ли дело младший.

- Пустил младший сын стрелочку - взяла стрелу в лапы зеленая болотная лягуха-квакуха.

- А лягушка станет царевной? - и в этот раз тревожились мы.

- Станет, станет, - успокаивала Матрешенька, и тогда мы слушали дальше.

КАРТИНКА С БАЗАРА

Матрешенька принесла с базара картину. Картина лежала в большой сумке, сплетенной из соломы, сверкала и сияла поверх картошки и лука. На черном фоне золотые и розовые цветы, зеленые листья, а посередине девочка с корзинкой. На девочке - шапочка из красной блестящей бумаги. Значит, эта девочка - Красная шапочка. А что это такое? Длинная скамейка на четырех столбиках. Да это же серый волк! Вот и пасть большая, что есть сил раскрытая, и хвост!

Матрешенька осторожно вынула картину из сумки, поставила на табурет, прислонила к стенке, и мы любовались и восхищались. Правда, лицо у девочки могло быть красивее, но попробуй сделай его из бумаги. Нарисовать красивое лицо, и то трудно. А это из бумаги, даже из фольги. Зато шапочка, платье, фартук, бантики, туфли! Зато дорожка, дерево, три цветка, серый волк!

Потом Матрешенька убрала картошку и лук в холодильный шкаф под небольшим окном. И мы пошли вешать картину в комнату. Выбрали место между двух окон. Матрешенька вбила гвоздь, и вот мы радуемся Красной шапочке и цветам.

Потом приходит мама. Поздно, как всегда. Сначала - работа, после работы - собрание. Ужинает и заглядывает к нам в комнату. Мы нарочно не говорим ей про картину, пусть тоже увидит, удивится и обрадуется.

- Матреша! Это что за гадость здесь висит? Фу, какая безвкусица! Снимите сейчас же! И зачем только деньги тратить на такую дрянь! Детям вкус портить!

Матрешенька очень расстроена, говорит:

- Ну, ладно, Лидия Ивановна! Ну, ладно. Пятьдесят копеек всего стоит, я свои заплачу.

- И не в деньгах главное. Только детям вкус портите, - сердится мама.

- Я над своей кроватью повешу, пусть там висит, коли вам не нравится.

Мы плачем. Мы любим и картину, и Матрешеньку, и маму. Что делать?

И Матрешенька вешает картину про Красную шапочку над своей кроватью, которая стоит в этой же комнате рядом с нашими.

БУМАЖНЫЕ САЛФЕТОЧКИ

- Матреша, вы опять бумажными салфетками все украсили! Это же мещанство, безвкусица! Украшайте, пожалуйста, уж если вам так нравится, кухню!

Матрешенька неодобрительно поглядывает на маму, ворчит тихонечко, продолжая вытирать пыль:

- Ну все-то вам не нравится, все не так, а что плохого? Чистенько. Все люди так делают, куда ни посмотри.

И вырезала из белой плотной бумаги, когда она была, или из настольной, которую папа покупал для своего письменного стола, а если не было такой бумаги, то из газеты чудесные узоры и украшала ими все полочки в кухне, оборачивала цветочные горшки. Всех украшений кухня не вмещала. И наша так называемая детская тоже всегда была очень нарядной. Нам особенно нравились узоры, где человечки хороводом держались за руки, то окружали цветочный горшок, то весело бежали вдоль длинной полки.

Мы, конечно, тоже пробовали вырезать такие прекрасные узоры: и звезды, и цветы, и человечков. Так смеялись: вырежешь фигурку, развернешь бумагу и получают длинные ряды похожих фигурок, иногда по половине.

Но у нас, особенно у меня, не получались такие узоры. Режем, режем, развернешь бумагу, а там не волшебство, а какое-то злое колдовство. Вместо цветов какие-то закорючки, человечки не держатся за руки, а упорно расползаются поодиночке.

УВАЖЕНИЕ

Радио только входило в жизнь. «Начинаем детскую передачу. Редактор такая-то, музыка такого-то». «Передаем последние известия. Диктор - Потапов».

- Потапов? Не из нашей ли деревни? - начинает вспоминать Матрешенька. - У нас на краю, в избе слева Потапов жил. Как его зовут, этого, про которого по радио сказали?

- Как же, как раз всю вашу деревню в радио и поместили! - смеется Светлана.

- Ну, не всех, а тот Потапов - хороший мужик. Так, может он. Как этого-то звать, сказали?

Недоверчивая Светлана смеется, но мы с Матрешенькой все-таки ловим конец передачи, убеждаемся, что Потапов не тот, не из Матрешенькиной деревни. Того Петром звали, Петр Федотович, а этого - Сергей Николаевич.

- Ну, не тот, так не тот! В следующий раз попадется! - смеется Матрешенька. - А тот Потапов тоже очень хороший мужик был.

И расскажет, каким хорошим, уважаемым мужиком был тот Потапов, который жил на краю деревни, в левой избе.

- Ну, затянула! - скажет, бывало, Матрешенька, когда по радио певица исполняла арии. - Ари - вот и называется, потому что орет, а толку нет.

- А-а, да а-а, - недовольно продолжала Матрешенька, сидя возле радио, штопая чулок и поглядывая в окно. - А-а, да а-а, ни одного слова не понять. О чем поет? Вроде веселая музыка, а тянет, будто люльку на ночь укачивает. Вон давеча мужик пел, Шаляпин, все слова ясные были. А нашу начал петь, деревенскую, - Матрешенька вытерла

глаза рваным чулочком, моим или Наташиным (они все время рвались на коленках и на пятках), и тоненьким голоском, - надо же, говорит совсем не таким, и другие песенки поет не таким, - запела: «На желтенький песок».

Допела до конца, слово к слову, не переставая быстро штопать. Кончила песню, затянула узелок, встала, приоткрыла окно: «Нюра что-то кричит, не мне ли? - И перевесившись из окна четвертого этажа, громко закричала: - Нюра! Чего кричишь? Не мне ли?»

Тетя Нюра, наша нижняя соседка, с третьего этажа, Матрешенькина подруга, высокая худощавая женщина, тоже в платке.

- В угловой, говорят, пшено привезли.

- Да у нас есть еще, не съели. А хлеб там свежий, Нюр? - перевесившись, опять спрашивает Матрешенька, и получив ответ: - Надо пойти взять полкило белого да полкило черного, а то не хватит. Сегодня на день, да завтра на утро. Ну, пошли, что ли, пока дождя нет.

Матрешенька откладывает штопку, поправляет угол белого, с выцветшим синим узором по краям, платка под подбородком.

- А доведски будут?

- Будут, будут! Попросим, чтоб были!

Мы идем в угловой магазин за хлебом и там весело съедаем доведски, мягкие, даже теплые.

Бывает, что мы и без Матрешеньки ходим на Молочную горку. Горка стала называться Молочной, когда на верху ее построили зеленую палатку-магазинчик и стали продавать масло или маргарин, ну и молоко, конечно.

И вот мы с Наташей несем кисель по Молочной горке. Большущая кастрюля до краев полна киселя. Мы с Наташей по бокам этой кастрюли крепко держим ее за ручки, а ноги заплетаются, дорога неровная, сандалии цепляются за камни, застревают в ямках. Вдруг прольем!

Потом позвонили в дверь тети Нюры:

- На Молочной горке кисель дают! Вкусный и дешевый! Мы ведро принесли, половину уже съели!

Зима. Солнце льется сквозь низ замерзшего окна. Звонок в прихожей. Это не к нам. К нам обычно стучат, до

звонка не дотянуться. Матрешенька открывает. К ней пришли, но и к нам.

Это мальчик Гарик с мамой. Они живут в другом доме, таком же большом, как наш. Мама Гарика разговаривает с Матрешенькой на кухне. Нам слышны их голоса. Разговаривают долго, спокойно, обстоятельно. Мама Гарика высокая, красива, в серой шляпке. Мы видим, как они уважают друг дружку, как им интересно и хорошо разговаривать.

Гарик очень любит смотреть картинки про балерин, и мы несем из шкафа большущие книги, взрослые, но с картинками. Мы разговариваем о них долго, спокойно, обстоятельно и очень уважаем друг друга.

ЕЛКА

- В этом году можно елки рубить, представляешь? - как-то растерянно сказала однажды мама, придя с работы, как всегда, поздно.

- А у Лидии Ивановны на работе сказали, что опять елки будут, - сообщила нам Матрешенька утром.

Мы побежали к маме.

- Да, вчера на собрании сказали, что новогодние елки, новогодние праздники будут отмечаться в стране, - сказала она как-то смущенно и заторопилась на работу.

- А почему елки? Какие елки? Зачем? - начали мы спрашивать у Матрешеньки.

- Елка - праздник новогодний, - объяснила она. - Как праздник, ее наряжают, свечи зажигают. Музыка. Пляшут...

- Нянечка, у тебя была елка, когда ты была совсем маленькая?

- Была, была, - смеется Матрешенька. - Полный лес елок, сосен! Руби, какую хочешь!

- И праздничные?

- А почему нет? Срубим, привезем домой, печь испечем, тепло - вот и праздник!

- Нет, такой праздник, чтобы плясать вокруг елки, и подарки?

- Такого не было, - отвечает Матрешенька. - В барском доме была елка, барчата плясали вокруг, это верно.

- А ты ни разу, ни разу не плясала?

- Я большая была, к барину работать пришла, уже двенадцать лет. Отец умер, мать у барина в стряпухах была, хлеб пекла - не для барина, для слуг. Для бар пекарь был. А у матушки хлеб лучше был. Барин, бывало, придет, когда матушка хлеб из печи вынет. Вот это хлеб, говорит. Все приходил пробовать. Вот у Акульки хлеб так хлеб! Маму Акулиной звали. Она стряпала, я помогала - воду носила, чугуны мыла... Тесто месить она не давала, сама, а то плохо выпечешь, скажут плохой хлеб.

- А в магазине хлеб нельзя было купить?

Матрешенька смеется. Какой магазин! Она жила в деревне за Волгой, Казань - ближний город, верст сто наверно. В Казани были магазины, и хлеб там тоже продавали, это правда.

Мы потеплее оделись и пошли на базар.

У входа снег желтый, притоптанный, перемешанный с навозом и соломой. Стоят привязанные к столбам лошади. Головы у них такие огромные, что проходить под ними страшно, хотя лошади смотрят на нас добрыми глазами. Во рту у них сено, сухие травинки падают с губ.

- Денег у нас всего два рубля, - приговаривала Матрешенька, стараясь не смотреть в угол базара, где возвышался зеленый лес из срубленных елок, и пересыпая с железных чашек весов в большую плетеную кошелку, обшитую клеенкой, с веревочными ручками, лук, картошку, свеклу. - Ну, пошли домой!

Мы не подошли не только к елкам, но даже к игрушкам, которые всегда продавались на базаре, и возле которых мы с Матрешенькой всегда простаивали, любуясь ярчайшими бумажными фонариками, цветами, веерами, петушками на палочках, восковыми уточками, свистульками, бумажными мячиками, которые прыгают на длинной резиночке, «уйди-уйди», жужжалками - их крутили, и они так прекрасно, длинно жужжали; изредка покупали сами маленькую уточку или китайский фонарик.

За воротами базара стужа показалась сильнее. Со всех

сторон дул ветер. Мы заторопились домой, помогая Матрешеньке нести тяжелую кошелку.

На углу первой улицы, не решаясь зайти на базар, топтался невысокий мужчина, дул на озябшие руки. Варежки были короткие, и рукава пальто не доставали их. Шапку он передвигал с уха на ухо, ведь и шапка была ему мала, не налезала сразу на оба уха, не грела их. Возле него была небольшая ровная елочка. Матрешенька поглядела на мужика, подошла к нему, вздохнула. Мужичок кивнул, не глядя на нас, куда-то в боковую улицу.

- Сколько она у тебя стоит? - спросила Матрешенька, варежкой трогая елочку.

- Пятьдесят, - еле выговорил мужичок.

- Столько-то у нас нет, - созналась Матрешенька, доставая из варежки сорок копеек, потом, расстегнув шубу, вынула из кармана кофты еще три копейки.

Мужичок, не глядя на нас, взял деньги, улыбнулся за-

мерзшими губами, повернулся и пошел, твердо ступая промезшими валенками по утопанному желтому снегу базарной площади в дверь, из которой валил пар и над которой темнели буквы (буквы мы уже знали) - **ЧАЙНАЯ**.

- Ему там дадут чаю? - спросили мы.

- Дадут, дадут, - успокоила нас Матрешенька. - Ну, пошли. Хлеб-то покупать не будем. Ну, ничего. Вчерашнего у нас осталось сколько-то, хватит, обойдемся.

- Балуете вы их, Матреша! - сказала вечером мама, глядя на елку, приделанную к зеленой кухонной табуретке.

А папа ничего не сказал, положил на верстак дощечки и начал делать деревянную крестовину, подставку для елки. Хороша была подставка! Много лет, до самой войны, стояли на ней новогодние елки. А после войны отыскивали ее в чулане, и служила она, пока не выросли все ребята из наших родных, все двоюродные братья и сестры.

САМОДЕЛКИ

Папа делал нам санки. Верстак помещался в коридоре. Пилил, размечал доски, строгал рубанком, фуганком. Долото, напильник, сверло, тиски - все пригодилось. Санки были зеленого цвета, полозья резные, на боковых сторонах - цветы, ветки, листья. Сиденье широкое, удобное, как бы из двух равных частей, чтобы мы с Наташей вдвоем сидели. Веревки продеты в специальное отверстие в середине перекладины.

В выходной папа повез нас покатать. Но санки не поехали. Дерево полозьев облепило снегом. Папа не прошел и двух шагов, санки затормозили, клюнули носом и стоят, сколько ни тяни. Согласны поехать только, когда мы вылезем. Ну и зачем они, если кататься нельзя? Ни шкурка, ни лак не помогли. Железные полозья достать трудно. Но через несколько дней папа достал их где-то и принес, долго чистил от ржавчины. Вначале она летела, как рыжий порошок. Приделал к санкам.

Мы пошли на горку к вечеру. Даже вторая смена кончила учиться. Ребят на горке полным-полно снизу доверху.

Мы недолго катались. Большие мальчишки сбили нас, подняли наши зеленые санки с цветами повыше, и над головой у нас произошел примерно такой разговор:

- Фабричные, что ль? - наклонились к нам. - Чьи санки?

- Наши, - испуганным шепотом ответили мы.

- Вот дураки! Купили где? Ни у кого таких нет! Заграничные?

- Папа сделал.

- Самоделки! - Санки презрительно брошены в снег.

И вспоминать-то об этом не хочется, да что делать. Принесли мы зеленые санки домой, и как ни просили нас, ни уговаривали, сколько ни объясняли, ни упрашивали, все зря. Ни разу, ни за что не согласились мы кататься на этих санках. И куда их потом дели, не знаю. Никто, наверное, не любил вспоминать об этом.

А как весело папа строгал доски, когда делал санки для нас, как он измерял каждую доску, помечая большим плотницким карандашом, как тер их наждачной шкуркой. А мы помогали, как могли, но чаще играли золотыми стружками, они были как волны в море...

Вот какие мы были глупые! Единственное утешение - малы еще были, и соображение маленькое, разума кот не плакал, ум - со свиной хвостик.

ПУТЬ В БИБЛИОТЕКУ

Тяжелая дверь подъезда захлопывается. Мы во дворе, синем от сумерек. Свой двор - одно удовольствие. Но кончается он быстро, за углом, у Помойкиной горы. Отвращения к этой горе нет никакого, хотя она вполне оправдывает свое название. Только страх перед хулиганами, которые обычно толкуются у помойки: не было случая, чтобы они не обидели девочек или вообще чужаков.

Если хулиганов на Помойкиной горе не видно, то - бегом между торцами высоченных домов, дальше - улица с трамвайными рельсами, трамваи, взрослые прохожие. И ты становишься прохожим, рядовым пешеходом, никто тебя не обидит, иди себе и иди.

А ежли хулиганы, то приходилось идти через чужой огромный двор. Чужие бабушки сидят на скамейках у подъездов, неодобрительно провожают тебя осуждающим взглядом. Много всяких препятствий, незнакомые горки, пеньки, железки, торчащие из земли, ледяные дорожки...

Сегодня библиотека с двух до семи. Около семи старшая сестра бежит со своими товарищами в библиотеку. А мы только в будущем году пойдем в школу. В библиотеку нас с Наташей даже не хотели записывать, малы еще, дошкольников не принимают.

Старшая сестра нас не жаловала. Наверное, крепко надоели мы ей. То в дверь подглядываем, пищим или воём в замочную скважину, когда она с товарищами делает уроки за папиным письменным столом, а кто не уместился - за обеденным. Мало ли что взбредет на ум, когда приходит столько хороших ребят и так весело, а вас выставляют за дверь и не принимают в игры.

- Возьми их с собой! - сказала Матрешенька Светлане, когда та собиралась в библиотеку.

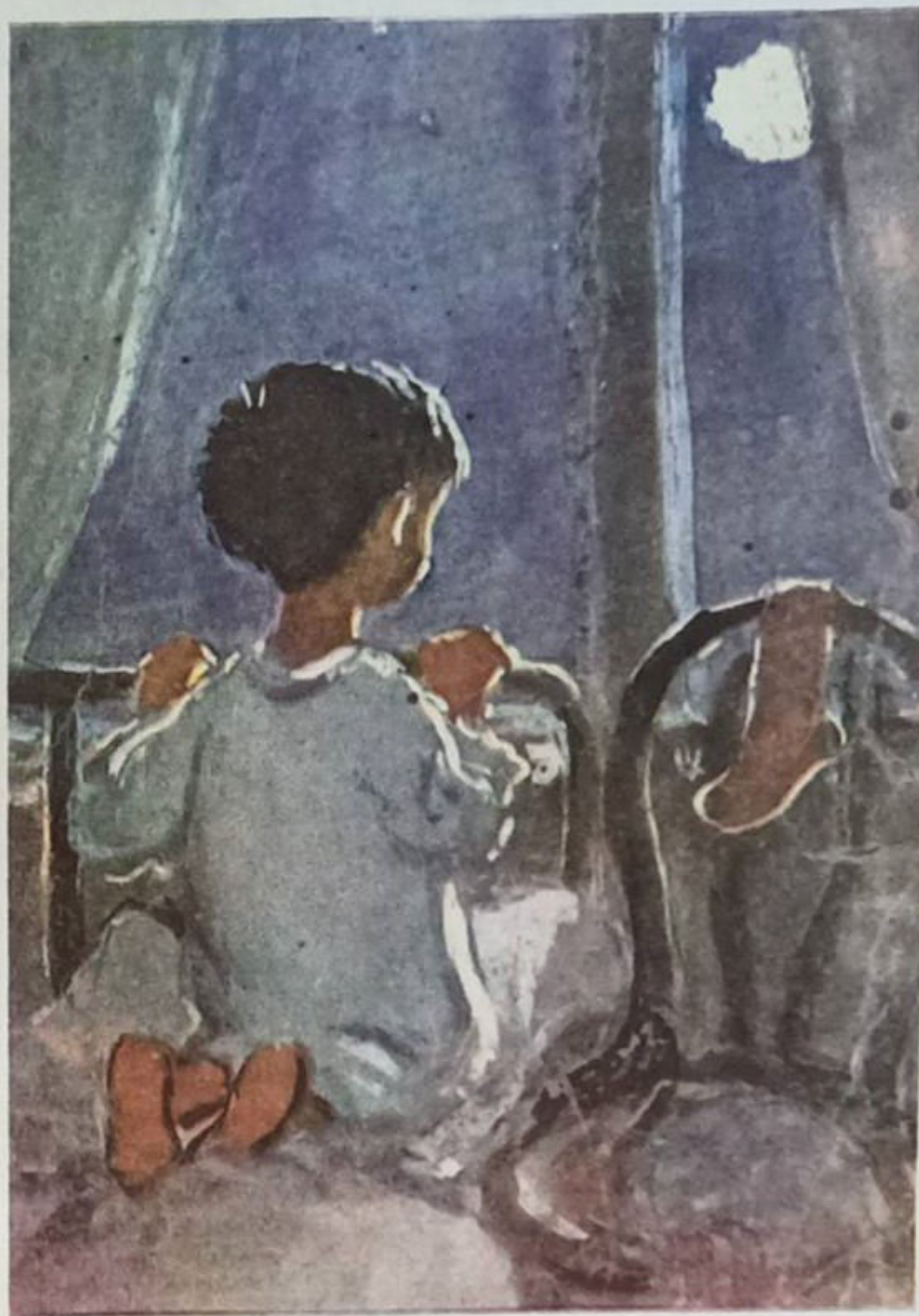
- Ну да, еще больно надо с малышкой таскаться! - ответила Светлана.

- Опять твои книги заберут. А там себе возьмут какие надо и твои не тронут! - продолжала Матрешенька.

- Да возьми их, Светка! Жалко, что ли? - сказали Светланины товарищи.

- Ну, собирайтесь, что ли! - сурово и великодушно согласилась старшая сестра.

И вот мы все стоим перед длинным-предлинным деревянным прилавком. По нашу сторону прилавка - ребята, по другую - две тетеньки и очень много полок, полных книг. Нам с Наташей хорошо видны нижняя сторона прилавка, чистенькие синие халаты тетенек, их ноги, у одной - в валенках, у другой - коричневые туфли на каблуках. Если привстать на цыпочки, прилавок виден сверху, в черных пятнах, мелких рисуночках карандашом и в буквах. На прилавке лежат книги, видны руки тетенек, а если осмелиться и взглянуть повыше, - их серьезные лица, одна в очках, другая - нет. Я пытаюсь рассмотреть, кто в очках:

та, которая в валенках, или та, которая в коричневых туфлях на каблуках.

- А малышкой зачем привели? - сурово говорит первая тетенька.

- Вот их запишите! - еще суровее говорит Светлана, толкая нас к тетеньке.

От страха мы не можем пошевелиться.

- В первом классе или во втором? - спросила вторая тетенька.

- Да они все мои книги читают! - закричала Светлана.

- Я спрячу, а они найдут и прочитают!

Библиотекаршам нечего было на это возразить, а для нас начался опасный путь с книжками - в библиотеку и из библиотеки.

Не успеешь вернуться, немного почитать, как уже пора ужинать. Спать нас укладывали рано, часов в восемь. Впервые, не было телевизора, во-вторых, взрослые возвращались с работы усталые, им тоже надо было отдохнуть.

Мы с сестрой лежим в своих кроватях, а Матрешенькина пока пустая. Из-за прикрытой двери слышны приглушенные голоса взрослых. Ужинают на кухне и обсуждают сегодняшний день, и говорят о завтрашнем. Нам с Наташей все равно эти разговоры не очень интересны, довольно одного звучания родных голосов. Лежим в кроватях, а в комнате по потолку бесшумно едет светлая широкая полоса то в одну, то в другую сторону, - это по двору проезжает машина с зажженными фарами.

Нам с Наташей не скучно. Мы рассказываем всякие сказки или истории. А после того, как научились читать, это - чаще всего продолжения прочитанных книг. Так что печальных концов ни у одной из книг не было, даже у «Муму». Эту книжку нам прочитала вслух старшая сестра, и мы так горько и долго рыдали, что даже она испугалась, а я с тех пор не могу взглянуть на это произведение Тургенева. Зато мы дали ему конец прекрасный, абсолютно справедливый и оптимистический, да еще в нескольких вариантах, один другого лучше.

Хорошие книги у нас никогда не могли быть короткими. Если автор, по нашему мнению, кончал книжку слишком быстро (например, «Золотой ключик или Приключения Буратино» Алексея Толстого), кто мог помешать нам придумать продолжение с новыми приключениями и удлинить книгу этак раз в десять? А такая книга, как «Марийкино

детство» могла у нас продолжаться бесконечно. Книга начиналась так: «Мать вставала в шесть часов утра», и дальше шли интереснейшие истории про маленькую Марийку и ее друзей, только успевай перечитывать их или придумывать все новые и новые.

ШОКОЛАДНАЯ КОНФЕТА

Осень, та сторона нашего большого пятиэтажного кирпичного дома (у него была еще эта сторона, куда выходили окна наших квартир и всегда можно было крикнуть в минуту опасности: «Мама!» или «Бабушка!»). Пусть ни мама, ни бабушка не услышат и не высунутся - возможность такая была. Мы пользовались ею не так часто, но враги или недруги, или просто случайные, «уличные», как мы их называли, знали про такую возможность, и этого было вполне достаточно.

Та сторона - другое дело. Чужая, холодноватая, пасмурная. Там приходилось обходиться без помощи. Даже солнце не такое теплое. По сию пору убеждение - на нашей стороне солнышко - теплее.

Мы сидели на земле возле газона, вокруг дворца. Дворец был сделан из стекляшек, и в нем жила принцесса. Принцесса была умная, добрая и прекрасная. Особенно добра она была к маленьким и несчастным, к жукам и бабочкам.

- И червякам? - спросила Светка.

- Конечно, - отвечала я (была моя очередь играть, рассказывать сказку). - Такая милая прекрасная принцесса. Когда была война, они тоже помогали принцессе. Белые хотели ее поймать, но она спряталась в самую верхнюю башню, там, где стояли статуи, и стояла тихо-тихо, как статуя, они ее и не нашли... И еще она любила сказки... А когда война кончилась, она опять стала помогать зверям и птицам.

Принцессой у нас была в этот раз маленькая грязенькая куколка. Она была не очень красивая, но мы ее жалели, и лицо у нее было доброе и милое. Прошлый раз прин-

цессой была Светкина кукла Верочка. Сейчас она была поварихой.

- Идите кушать! - говорила Светка, и уже на камне расстелен Светкин носовой платок с каемочкой - совсем скатерть.

- Вот яичница! - говорила Светка на желтые цветы одуванчика. - Вот салат, - на зеленые травки и листики.

В центре - куличики из песка, торт. Вообще-то мы принесли настоящую еду для игры. Лузочка вынесла оладушки, Светка - варенье с вишнями, мы с Наташей - несколько леденцов. Но все припасы как-то нечаянно съели перед игрой.

- Идите кушать! - звала Светка, вернее Верочка-повариха. - Яичница готова. Салат очень вкусный. Торт испечен просто замечательно! Есть еще грецкие орехи, изюм, яблоки, персики и селедка! - Светка очень любила эту рыбу.

- Идите скорей! Я вам еще приготовлю кисель! - Светка поспешно мешала в баночке глину с водой.

- Ты потруби! - сказала я. - В королевских дворцах всегда трубят, когда зовут обедать. Мало ли кто куда мог уйти. Охотиться, например.

Светка приложила к губам Верочки, нарядной, прекрасной, палочку, будто это труба, и громко затрубила: «Ду-ду-ду! Ту-ру-ру!»

Все жители королевства: медведь, который пасся на траве, корова, которая давала молоко, Петрушка, который развлекал принцессу, - все побежали к столу, красивые, как из книжки. Там их ждали учитель - Наташа и руководительница Королевского Детсада - я.

Тут я случайно подняла голову и увидела девочку. Она шла и ела большую шоколадную конфету, ровную, твердую. Я таких никогда не видела. Да и чтобы так откусывать от конфеты, как от хлеба, мне еще видеть не приходилось. Высокие носочки, блестящие туфли, удивительная юбочка. Девочка медленно шла по дорожке и откусывала от конфеты.

И я почему-то поняла, что этой девочке очень скучно. Она шла, не глядя на нас, и невидимое облако скуки как будто окутывало ее, и я ощутила это облако.

Потом девочка ушла и наступила моя очередь играть, и я не вспоминала о ней. Только через много лет, после войны, увидев впервые большую шоколадную конфету, я сразу вспомнила наш милый двор, Лузочку, Светку, Наташу, себя и эту незнакомую девочку.

И с тех пор - сколько лет прошло! - как только разворачиваю большую шоколадную конфету, опять вижу ту девочку. Идет по дорожке в черных лаковых туфельках, в высоких (и как они только держались?) носочках с каемочкой, в очень красивой юбочке и в береточке набекрень на красиво подстриженных волосах. Идет через все годы, и теперь, издали, совсем ясно видно, что было той девочке не очень весело, ни туфельки не спасали, ни любые шапочки, ни большие шоколадные конфеты.

ФЛАЖКИ

У всех флажки, а у нас нет. И сейчас - Первое мая. Все идут смотреть демонстрацию. У всех флажки или значки в красной ленточке, или воздушные шарiki. А у нас - ничего. Мама под праздник на дежурстве, она заведует отделением в больнице и очень справедливый человек. Пусть остальные врачи отдыхают, начальница дежурит в праздник сама. А папа - в командировке.

А у нас нет флажков и значков. И скоро демонстрация. По нашей улице она колоннами проходит в девять часов, а сейчас уже семь утра.

Мы вспоминаем колонны демонстрантов. Музыка, все смеются и поют песни, и несут большие флаги, и большие фигуры, у некоторых из них, плоских, дергаются руки или ноги, черные фигуры и разноцветные, и гремят золотые трубы. А мы все стоим по тротуарам, кто на той, кто на этой стороне улицы, и смотрим, и машем флажками, и нам машут большими флагами.

У нас нет флажков! Нам с Наташей грустно-грустно, даже не хочется идти смотреть на демонстрацию. Так вот и будем сидеть у окна и глядеть, как торопятся взрослые на свои работы, чтобы идти оттуда на демонстрацию, а по-

том - как дети с бабушками, мамами или со старшими братьями и сестрами пойдут смотреть демонстрацию. А мы будем видеть только наш двор, и большое дерево в нем, и пустую скамью под деревом, никого нет на скамье, все ушли на праздник.

Матрешенька ходит по квартире, вздыхает, протирает тряпкой стулья и подоконники, ворчит потихоньку:

- Все работа да работа, все на уме работа. Не может детям праздник устроить, хуже других они, что ли? Пошли, что ли, смотреть демонстрацию? Обойдемся и без флажков, - нерешительно говорит она и сама понимает: обойтись-то обойдемся, да не очень. Чем мы хуже других?

Матрешенька вздыхает и уходит. Немного погодя слышим стук швейной машинки, потом веселый голос зовет нас из кухни. В кухне Матрешенька поставила доску на зеленую табуретку. Надавит ножом, и от доски отваливаются длинные узкие полоски.

- Сейчас отщепим хорошую лучину, построгаем маленько, чтобы гладенькой стала, чтобы не было заноз, - приговаривает она, отбирает две лучших полоски, обстругивает их ножом.

Верхние концы палочек Матрешенька очень аккуратно расщепляет (мы еще не понимаем, зачем она это делает) и в щель просовывает край алой ленты, аккуратно разглаженной и подшитой с противоположной стороны. Игла с красной ниткой быстро мелькает в Матрешенькиных руках. И вот чудо: два прекраснейших алых флажка, блестящих, сверкающих. Абсолютная радость, восторг и восхищение!

Матрешенька поскорей надела новую кофточку, сшитую ею специально к празднику, и мы, счастливые, быстро идем проходным двором и переулком к Бакунинской улице - главной улице нашего района, по которой в будни ходят трамваи, а в праздник - демонстрации, и у нас с Наташей в руках по прекрасному флажку, и все люди, знакомые и незнакомые, спрашивают:

- Где вы купили такие прекрасные флажки? Настоящие, шелковые!

Но только своим самым близким подругам, которых мы догнали возле Бакунинской: тете Нюре, тете Наташе, тете Марусе рассказала Матрешенька, что эти флажки - из старой красной ленты, которую давно не носит наша старшая сестра.

Мы успели вовремя. Звуки музыки приближались. Все громче и громче бухали барабаны, и гремели литавры, и громко пели трубы. И вот несут мимо нас сияющие трубы, идут, четко и не всегда четко отбивая шаг. И красные флажки колыхались, и поднимались красные полотнища на двух палках, и огромная лампа, а в ней тысяча маленьких. И разноцветные фигуры, огромные, гораздо больше нормальных людей, и плоские, черные с белым, из фанеры, махали руками и ногами.

И мы тоже махали своими флажками, и всем было весело.

И Матрешенька в новой кофте, с новой гребенкой, тоже смеялась, радовалась, и негромко, весело разговаривала о демонстрации со своими подругами - тетей Нюрой, тетей Наташей и тетей Марусей.

А по улице все шли и шли веселые люди, и развевались флаги, и гремела музыка.

ЯМЫ ДЛЯ ДЕРЕВЬЕВ

Если были весна, лето или осень, вообще, если росла трава, мы играли возле газона у стен дома, нам зелени хватало. Взрослым, наверное, нет, потому что они стали говорить об озеленении и решили посадить деревья. И стали копать ямы возле домов. Копали обычно, когда темнело. Наверное, когда все приходили с работы.

Очень глубокие ямы получались. Взрослые помещались в них где с головой, а где и с ручками. Мы только первые дни лазали и бегали по дну в этих ямах. Потом просто сидели на краю и смотрели вниз. Там было глубоко и темно. Иногда камушки и земля сыпались вниз, и в темноте не видно было, где упадут.

- А вот засыпем! Спихнем вниз и засыпем, как мертвца! - хохотали мальчишки и примеривались спихнуть. Мы знали, что не спихнут, не засыпят, но пугались, хотя виду не показывали.

Мальчишки у нас во дворе разные. Есть такие, как Алик или Игорек - «комнатный мальчик». На дворе они занимались своим делом: играли в лапту, говорили о взрослых книгах: «Дети капитана Гранта», «Двадцать тысяч лье под водой», «Последний из могикан». Иногда снисходительно приходили к нам играть в казаки-разбойники. Особенно, когда проводили газ и мы лазали по трубам.

Еще были беспризорные мальчишки. У них были мамы и папы, но Матрешенька и мама называли их беспризорными. Да это и видно было сразу: одежда всегда серая, очнь грязная, штаны всегда велики, а рубашки малы. Обриты наголо, туфли дырявые.

- Отец пьет, - вздыхала Матрешенька. - Матери-то мученье-то.

Они всегда лезли, дразнили, дергали за юбки. Одного из них, Вовку-Морковку, Матрешенька пожалела, привела к нам, умыла и посадила с нами за стол есть оладушки. Вовка сл много, вытирался рукавом, поглядывал на нас добрыми круглыми серыми глазами, шмыгал носом, вытирал его все тем же рукавом. Потом он сказал: «Больше не хочу, хватит», вылез из-за стола и стал смотреть с нами книги и

играть на полу в игрушки. «У-у-у» - гудел он, двигая по полу деревянный грузовик, который давно лишился колес и давно уже выполнял роль кровати, где обычно спала лошадь - она как раз тут помещалась вместе с копытами и дощечками на колесах. Вовка доверху нагрузил машину и перевозил мебель.

- А вот кому не надо ли мебель перевезти из одного дома в другой? - кричал он.

Он все знал. Еще бы! Его папа был шофер.

- Еще приду, - сказал Вовка.

Вечером тетя Вика, его мама, устроила скандал. Она пришла с работы, из столовой, пьяная, подошла к Матрешеньке и стала кричать:

- Нечего чужих детей привечать! Никто не просит! У них отцы-матери есть! В голоде не держим!

Вовка больше не приходил, но к нам с Наташей лезть перестал. Другие мальчишки иногда играли с нами в прятки, в чижик, но всегда убегали к своим. Иногда останавливали, когда мы шли из библиотеки, брали из рук книгу. От страха губы не шевелились, чтобы сказать: «Чужая, библиотечная». Иногда молча, иногда с присловьем совали книгу обратно в руки, иногда прочитывали и тут же возвращали со словами «Дуй до горы!» или еще чем-нибудь в этом роде.

Зато большие ребята любили нас и часто играли с нами. Они и вправду были очень большие. Голова где-то высоко в небе, ладони на уровне наших глаз, макушек. Ни разу эти руки не давали в обиду. Мы очень любили этих парней, особенно Сему. Они все могли: на тачке прокатить или пронести на носилках, занозу вытащить, наподдать мальчишкам, если те уж очень лезли и разрушали игру.

В тот вечер ямы копали старшие ребята. И вот в сумерках нас, малышей, позвали к яме. Там Сема, наклонив голову, возился с лопатой. Потом нас позвали еще куда-то, о чем-то поговорили. А потом вдруг закричали:

- Ой, Сему в яме зарыли!

Мы заревели во весь голос, плакали так горько. Сидим возле ямы, плачем и ждем Сему.

- Да он давно дома сидит, чай пьет!

Мы не поверили этим словам. Окна у Семы открыты, он бы откликнулся.

Матрешенька увела нас домой чумазых, зареванных. Когда подошли к подъезду, видим, к яме из дома решительно идет человек. Семка! Заметив нас, нагнул голову, повернулся и быстро зашагал прочь. Матрешенька поворчала вслед, что стыдно издеваться над маленькими. Семка ниже наклонил голову и зашагал еще быстрее.

Когда началась война, Семка и года не пробыл в армии. Ему оторвало ногу. Во дворе теперь бывал редко. Взрослые говорили, что он стесняется своей деревянной ноги и не хочет слушать, что никакого стыда тут нет.

НОВОГОДНИЙ ПОДАРОК

На работе папе дали два билета на елку в Колонный зал Дома Союзов. Это была первая елка в Колонном зале. Всем родителям, конечно, хотелось, чтобы их дети побывали на такой замечательной елке. На всю папину работу прислали два билета, а работало там много людей, и у всех были дети. Но ни у кого не оказалось сразу двух дочек или сыновей, которым как раз в день, обозначенный на билетах, исполняется по шесть лет. А нам с Наташей исполняется! И на папиной работе не стали спорить и совещаться, а подарили билеты нам.

Они были до того красивые, что даже на билеты не похожи. Такая разноцветная книжечка, на обложке Снегурочка и Дед Мороз держатся за руки, и мешок с подарками рядом. Откроешь обложку, стоямя встает елка, вся в игрушках: хлопушки, шарики, флажки... Сбоку от елки большими буквами сверху вниз написано: «ПОДАРОК».

- Оторвут вам буквы и дадут подарок, понимаете? - объясняла старшая сестра. - Вы там не забудьте найти, кто отрывает. Принесете подарки, и сравним, у кого лучше.

Сестре билет в Колонный зал не достался, но в этот самый день была елка в их школе.

Матрешенька разглядывала билет и радовалась вместе с нами, а потом убрала его для сохранности.

Конечно же, в тот день мы поднялись ни свет ни заря и начали собираться. Матрешеньке хотелось, чтобы мы выглядели не хуже других, и мы вместе переглаживали воротники на синих матросках и складочки на юбках. Берем в сумку туфельки, надеваем валенки, шубы, укутываемся платками. Мороз - почти сорок градусов. Уже рассвело. Боясь, вдруг опоздаем. Матрешенька тоже тревожится, но успокаивает нас: успеем, успеем, ничего...

Колонный зал в центре Москвы, а мы чуть сбоку, в Бауманском районе. Метро тогда не было, ни одной станции, его только строили. Люди ездили в трамваях. Зато извозчики были, и очень много телег, которые громыхали по мостовой летом, а зимой застревали в снегу, и грузовики подталкивали их, чтобы лошади было легче вытянуть теле-

гу из сугроба. Сани тоже встречались на улицах и в переулках.

Но сейчас мы не обращали на все это внимания. Даже если бы вагоновожатым в нашем вагоне была бы лошадь, мы бы, наверное, не заметили этого, потому что очень боялись опоздать. Трамвайный вагон длинный-длинный, промерзший и полупустой. «На работу народ уехал, а кому интересно трястись на морозе понапрасну?» - говорила Матрешенька, вздыхая и разматывая платок. Она села на деревянную скамью рядом с тетенькой в таком же сером шерстяном платке, в перчатках с оторванными пальцами и черной кожаной сумкой на животе. Сразу видно, какая тяжелая сумка, в ней полно монет. Еще на тетеньке-кондукторе висят билеты, намотанные на катушки. Дешевые билеты и дорогие. Матрешенька покупает себе самый дорогой билет, потому что ехать далеко. Нас с Наташей трамвай везет бесплатно. Матрешенька с кондуктором разговаривают, а на остановках обе они скрываются в облаках пара, и новые пассажиры рассказывают, как холодно на улице и жалеют кондукторшу, потому что в вагоне немногим теплее.

Трамвай трясется и подпрыгивает. В промороженном вагоне сероватый рассвет, окна замерзли сверху донизу, по-

верх льда - пушистый иней. Мы с Наташей шатаемся вместе с вагоном и уверены, что давным-давно опоздали, елка кончилась.

Мы не прикладывали ладони к отпечаткам маленьких ладошек на оконном инее, чтобы сравнить, у кого какая рука, хотя все дети, каких везли в трамвае, непременно приложат ладонь к стеклу. Чем дольше держишь, тем сильнее протает лед. Ты вылезешь, а отпечаток твоей руки уедет вместе с трамваем, и другие дети, если окажутся возле этого окна, положат свою ладонь на отпечаток твоей, и лед быстро протает, и можно думать: вот ехал тут кто-то, как его зовут, куда он ехал... Мы с Наташей убеждены, что все ребята, оставившие отпечатки ладоней на оконных стеклах, ехали на елку в Колонный зал, что все они уже там, а мы опоздали.

Сейчас мы даже не считали отпечатки монет. Монетки обычно прикладывали взрослые. У детей монеток не было, вот они и считали, кому больше за поездку достанется отпечатков пятак и гривенников. А еще было множество остатков слов на пушистых от инея окнах. Но мы даже не пытались их прочесть.

- Ничего, не опоздаем! - утешали нас Матрешенька и кондуктор, но мы видели, что няня и сама начала тревожиться.

Но вот трамвай остановился, тетенька-кондуктор потянула за веревку. Трамвай стал долго и громко звонить. Мы вылезли поскорее на улицу, перебежали трамвайные рельсы, спросили, где тут Колонный зал, и вот стоим, запыхавшись, перед огромными дверьми, которые гораздо больше дверей нашего дома, хотя наши двери очень даже высокие. К дверям все подходят и подходят взрослые с детьми, а мы радуемся: не опоздали!

За дверью высокий белый зал, никаких колонн, никакой елки. Зато полно шуб, тулупов, теплых пальто, валенок. Люди толпятся у раздевалки, поговаривают, что места для всех не хватит. Наверное, думаем мы, все сегодня очень толсто оделись, вот шубы и не умещаются. Никто не знает, что делать. Одна Матрешенька знает.

- Елке не век быть. Подождем их тут. Пусть раздева-

ются да бегут, а шубы сдавать не будем, коли вешать некуда.

И все ребята, для чьих шуб не хватило места в раздевалке, быстро сняли шубы, валенки, бросили их на руки взрослым, и - бегом вверх по широким белым ступеням. А сверху лились удивительная музыка, неведомые радостные звуки и яркий-яркий свет.

- Подарки не забудьте, подарки! - кричали снизу взрослые. В конце лестницы у большущих стеклянных дверей мы показываем билеты тетенькам, нарядным, как принцессы, в золотых шапках с серебряными звездами.

Я думала, Колонный зал - это стоят колонны густо и часто, как сосны в лесу, а ребята бегают между ними, и где-то среди колонн елка виднеется. Ничего подобного! Ребята бегают по залу: огромному, как наш двор, а колонны где-то далеко у стенок, высокие, правда. И потолок высокий. И до самого потолка - елка, вся в игрушках как на билете: в фонарях, флажках, шарах. И каждая игрушка - ого! - будто для слона. Стеклянные шары крупнее волейбольного мяча, а бусы нанизаны из нормальных елочных шаров. В каждой хлопушке поместится по ребенку дошкольнику.

По залу носятся ребята, смеются, кричат, зовут друг друга, куда-то торопятся. Некоторые бегают, взявшись за руки, или догоняют друг друга. У многих золотые или серебряные шапки, красивые бумажные гирлянды или воротники. Где они взяли эти драгоценности? Кое-кто бегал с младшими братишками или сестренками, до того маленькими, что их ноги не успевали бежать быстро. Братишки и сестренки шлепались, а старшие, не дав заплакать, быстро поднимали их и опять бежали туда, где крутилась карусель или возвышалась горка, или туда, где пели песни возле пианино, в одном углу - «В лесу родилась елочка», в другом - «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

Мы с Наташей моментально потеряли друг дружку. Я постояла в очереди, съехала разок по гладкому кожаному скату. Но вокруг толпились незнакомые ребята, подсаживали друг друга, хохотали. Больше съезжать с горки не хотелось. На карусель я не попала - слишком много желающих.

- В круг! Становитесь в круг! - закричали взрослые нарядные женщины в разноцветных бумажных шапочках и венках, и начали сцеплять ребят за руки. - Малышей в средний круг, старших в дальний! Беритесь за руки! Ну, беритесь!

И завертелось несколько огромных хороводов, один вокруг другого. А в середине клоун играл на баяне и две нарядные тетеньки показывали, как правильно плясать. В нашем круге напротив я разглядела Наташу и очень обрадовалась. Наташа тоже увидела меня и обрадовалась. Но хоровод кружился и мы никак не могли подойти друг к дружке.

- Подарки дают! Подарки! - закричали мальчишки, когда клоун перестал играть на баяне и хороводы остановились. Все побежали за подарками.

По всему залу Деда Морозы, все как один в красных шубах до полу, с длинными белоснежными бородами, и Снегурочки в белых шапочках и голубых шубках, посыпанные с головы до ног снежинками, доставали из большущих мешков подарки. Когда Снегурочка наклонялась к мешкам, снежинки сверкали и вспыхивали. В мешках были смешные медведи и куклы. Голова мишкина, лапы мишкины, а туловище, будто круглый мешок, клетчатый или в горошек, или просто синий и желтый. И в нем - гостинцы: яблоки, мандарины, конфеты, много всего. И тебе хватит и домой отнесешь, угостишь кого хочешь.

На кукол я и не смотрела. У нас дома целых три и еще три слегка поломанных. А вот мишек ни одного. И давным-давно хотелось мишку как раз с такой мордочкой. Я твердо решила взять у Деда Мороза мишку. Мишки, конечно, должны быть у Дедов Морозов, а куклы - у Снегурочек. Но при подробном рассмотрении оказалось, что во всех мешках есть и то и другое. Просто мальчикам давали мишек, а девочкам - куклы. Но некоторые девочки все-таки держали в руках мишек, а некоторые мальчишки, постарше, просили кукол. Наверное, для маленьких сестер.

Возле каждого Деда Мороза и каждой Снегурочки подпрыгивала, шептала и ойкала небольшая очередь: «Ой, до чего хорошенький! С хвостиком!», «Ой, какая миленькая!

В чепчике!», «А в моем медведе мандаринов больше!», «И вовсе не больше. У всех поровну. Балда!» Очередь совсем маленькая, мешок большой, и все равно страшновато: вдруг не хватит.

Протягиваю билет и прошу мишку. Дед Мороз высокий, его белая борода уходит ввысь, лицо почти такое же красное, как шуба. Наверное, ему у нас тут жарко. Большой варежкой он отрывает от моего билета слово «ПОДАРОК». Опускает варежку в мешок, и у меня в руках кукла. Я отдаю ее Деду Морозу обратно. Пусть заберет ее и даст мишку, мне мишка нужен. Мешок выше меня. Варежка Деда Мороза отрывает конец другого билета, а куклу не берет. Ребята отталкивают меня от мешка, тянут свои билеты Деду Морозу. Топот. Крики. Музыка. Свет уже не такой яркий.

Первое, что вижу, когда поднимаю голову, - в нескольких шагах от меня растерянная Наташа, в а глазах отчаянье, в руках кукла в клетчатом платице. Я-то знала, что в куклы Наташа давно не играет, не любит их.

Кружится полупустая карусель. На горке почти никого нет. И мы молча идем к большим стеклянным дверям, спускаемся по белой лестнице.

- Ну, понравилось? Хорошо было? - спрашивает Матрешенька, убирая наши туфли в сумку и помогая завязывать шарфы. - Маленькие еще, устали, взрослый и тот устанет от темна до темна.

На улице черная ночь. Блестят рельсы. Подлетают трамваи, сверкающие, как елки. Все бросаются к вагонам, и трамвай с грохотом пропадает в темноте. Трамвай за трамваем. Кончился рабочий день. Люди торопятся домой. Высокие молодые рабочие бросили в снег папиросы, перестали разговаривать о своем заводе, сказали: «И долго тут бабка мерзнуть будет с ребятами? До утра, что ли?» И когда подошел трамвай, загородили нас, посадили в вагон, и вот мы мчимся, а трамвай подпрыгивает и тарахтит, только не так, как утром, а тяжело и глухо.

В вагон мы не пролезли, остались на площадке. Наташу притиснули к одной стенке, Матрешеньку - к другой, а меня - к большой железной палке, упиравшейся в пото-

лок вагона. Тогда во всех вагонах были такие палки. И вот об нее-то я и стала стучать свой несчастный подарок. Трясся и подпрыгивал трамвай. Менялись вокруг руки, спины и хлястики. А я все стучала и стучала свою куклу мордочкой о железную палку.

На одной остановке вылезло сразу много народа. На площадке стало свободнее и светлее. Я посмотрела на ненавистную куклу. Маленькая замурзанная рожица, на носу розовый лоскуток, будто сорванная кожа. Серьезные и печальные глаза смотрят прямо на меня. И тогда я уткнулась лицом в ее синее, в цветочек, платье и поливала его слезами всю оставшуюся дорогу. От остановки я несла ее в теплых варежках, дышала на нее, чтобы она не озябла, а дома положила на кровать под одеяло. И с тех пор это была самая любимая моя кукла, даже не кукла, а подруга. Вечером я рассказывала ей сказки, а днем брала в самые лучшие игры.

МЫ С МАМОЙ ШЛИ ЗА ПОВОЗКОЙ

Мы с мамой шли за повозкой, где лежали наши вещи, крепко привязанные толстыми веревками. Мы прошли наш двор, чужой двор и вышли на улицу. Огромные колеса повозки катились по булыжникам. Чужой дяденька в серой рубаше, серых брюках, в стоптанных башмаках, согнувшись, толкал повозку. Мы бежим, стараясь не отстать от мамы. В одной руке мама несет лампу, в другой - бидон с молоком. Я держусь за бидон, Наташа - за лампу (перед этим мы поспорили, кому за что держаться, за лампу держаться интереснее).

Мы идем на вокзал, чтобы сесть там на электричку и ехать на дачу.

Навстречу по тротуару шагает высокий загорелый молодой дяденька. Воротник белой рубашки распахнут, коричневая шея, добрые синие глаза, волосы развеваются на ветру. Поравнялся с нами, повернул к нам голову и прогнул сквозь стиснутые зубы:

- У, эксплуататоры проклятые!

И тут мама останавливается и начинает говорить. Она говорит, что мы не виноваты, что у нас в стране нет машин, ни грузовых, ни легковых, что еще не успели их построить, потому что надо сначала построить заводы, на которых строят эти машины, а в стране были и разруха, и голод, и сначала надо заводы, которые построили бы тракторы, а то опять может быть голод. И что была война, и заводы - в развалинах, и фабрики - тоже, и станки сломаны и устарели...

Мама говорила, а молодой дяденька смотрел на нее, на Наташу, потом на меня, и опять - на маму, и вдруг шея у него стала красной-красной, потом лицо тоже красным, потом - уши. Он спросил совершенно другим голосом: «Помочь?»

Мама покачала головой и мы скорее побежали догонять повозку с вещами, которую серый дяденька увез далеко-далеко.

НА КРЫЛЬЦЕ

Вечер. Я сижу на крыльце, вытянув ноги. Вниз уходят ступени крыльца, спускаются на дорожку. Дорожка исчезает в полутьме. Сине-зеленый сумрак колышется, окружает крыльцо. Там что-то движется, шуршит, покачивается, поскрипывает. Иногда плыла птица, огромная, темная.

Сижу, прижавшись к перилам, вытянув ноги. Сине-зеленые сосны гудят и качаются, и я качаюсь и лечу вместе с ними. А рядом теплые спокойные бревенчатые стены, и милые знакомые голоса из-за двери.

Дверь распахивается, в светлом пятне вижу Наташу с большущей зеленой кружкой в руке. Оглядывается, шурится, ищет меня. Наконец видит меня у перил на крыльце, за дверь. Закрывает дверь, подходит, наклоняется:

- Киселя хочешь?

- Хочу.

Наташа подносит к моему рту зеленую кружку и наклоняет ее. Кисель очень вкусный, кисленький. Наташа наклоняет, наклоняет кружку, чтоб мне удобнее было пить. Кисель, который не попадает мне в рот, растекается по платью. Я вся в красном киселе. Опять открывается дверь.

Крик ужаса. Взрослые ведь не знают, что это только кисель.

Нам с сестрой года по два, а то и меньше. Может быть, это первое воспоминание в жизни.

ДАЧА

Приехали на дачу. Вот радость! Окон нет - еще не вставлены. Дверей нет - не навешаны. И лестницы на террасу нет - не построена. Вместо окон и дверей темные ровные дыры прямо в дом, и нет ступеней. Мы не понимаем, что тут плохого.

Как хорошо бежать по широкой доске с дорожки на террасу! Так хорошо, что вместо тяжелой двери, которая больно прищемляет пальцы, на ветру треплется одеяло! Не понимаем, почему сердятся взрослые! Папа не сердится. Он весело насвистывает и строгают на большом верстаке у крыльца. Тут и длинные доски, и короткие чурбанчики, и стружки, стружки... В стружках можно прыгать, кувыряться, папа разрешает.

Хорошо скатываться по доске с террасы на дорожку. Как с горки! Если б только не занозы, вынимать их так долго!

Мама расстроена: а что если будет дождь? И все упадут, когда будут бежать на террасу по этой доске? Папа прибавляет поперечные планки. Кататься с этой горки уже нельзя. Зато можно играть в поезд, будто это шпалы. Мы и на дорожке рисуем шпалы.

До чего же хороший новый дом! Весь пахнет смолой. Ходим, нюхаем дом, прилипаем к стенам. Смола золотая, прозрачная, похожа на мед и оставляет черные пятна. Обидно!

А ночью в окно светят звезды. Огромные! Окна сначала темно-синие, потом темные просто, и звезды, которые горят ярче и ярче.

МАСКАРАД

Мы очень любим наряжаться. Все равно во что. Нарядишься, и никто тебя не узнает, даже Матреша. О посторонних и говорить нечего. Нас с Наташей и так путали, а когда нарядимся, никто не узнает. Нюра, правда, сразу узнавала. Нарядим Аллочку, например, котенком, хвостик сзади привешен, бант на шее, волосы причешем, будто это кошачьи уши, прибежим в кухню: угадайте, кто это?

Матрешенька сразу, едва взглянув на Аллочку и продолжая чистить картошку, высказывала предположение:

- Котенок, что ли, соседский прибежал? У нас кошек нету...

А потом и Нюра начала узнавать, а вернее не узнавать. Например, в кухню прибегает собака. Нюра, не переставая чистить самовар или кастрюлю, увидит в дверях кухни Аллочку на четвереньках, которая тьякала по нашей подсказке, поглядит на нее и скажет не своим, тоненьким голоском:

- Жучка, что ли, или Шарик со двора прибежал? Собак-то вроде у нас нет. Но руки, руки вымой!

Воодушевленные столь блестящими успехами, мы решили расширить арену своей творческой деятельности и сделать зрителями не больше не меньше, как жителей всего поселка.

В этом ответственном предприятии нам решили оказать помощь старшая сестра с товарищами. Потом они убежали заниматься гораздо более важными для себя делами: играть в волейбол и кататься на велосипеде. Зато на нас оказались надеты их сарафаны и они даже помогли снять занавески с окон - для королевского наряда.

Аллочку мы давно предложили нарядить Мальвиной. Мальвина вышла как на картинке. Не хватало голубых волос, но как ни красили волосы, они так и остались каштановыми локонами. А во всем остальном вылитая Мальвина: и губки бантиком, и глаза в пол-лица, и пушистое платье, и бант.

Меня нарядили цыганкой - все платья из чемодана пошли в дело. Бретельки Светланиного сарафана завязали

как пояс, потом ее платье надели нормально, потом - мой сарафан, бретельки у пояса, потом наши с Наташей платья - нормально, сверху - Аллочкин сарафан и наконец - платок, большущий, цветастый, из Нюрино гардероба. Но она не ругалась, сказала, что все равно бы дала, если бы мы попросили, - что ей, жалко?

Наташу нарядили королевой. Платье из занавески получилось до того королевским, - все захотели так нарядиться.

Ленька и так похож на пирата, а когда ему завязали один глаз, Ленька только и знает, что смотрит на нас этим глазом из-под косынки и улыбается большим ртом. Ленька по возрасту старше нас и младше нашей старшей сестры. Он всегда бы играл с нами, если бы взрослые или старшие ребята не дразнили время от времени: «Опять с малышами связался?». «Ну и что», - огрызнулся Ленька, но на некоторое время принимался со старшими ребятами играть в волейбол или кататься на велосипеде, тоскующими глазами провожая нас. Мы любили его, потому что он никогда не мешал в играх, сразу все понимал и принимал игру такой, какой она есть. Очень коричневый, как индеец, он похож на пирата больше, чем все настоящие пираты.

Братья с Мелиховской дачи восхищаются, тоже хотят быть пиратами, мы уговариваем их, приносим всякие одеяния. Ребят с Мелиховской дачи хватало на всех: двое-трое - Светланины, двое-трое то с нами, то переходят к Светлане. Сколько их было, никто не знал точно. И сестра моложе Аллочки, поэтому или тоже с нами, или оставалась дома.

Все пошло в дело. Вывернуты чемоданы, ворох платьев, рубашек и платков по кроватям. Матрешенька заглянула в комнату, вздохнула и ушла.

Скоро все ребята, человек пятнадцать - двадцать, были в костюмах, кто в каких. Что делать дальше, никто не знал. Опыта в маскарадных делах не было. Возле нашей террасы, чуть выше флоксов, бегают кто-то черненький, тоненький, очень красивый, не поймешь кто. Думали, чертик. Повернулся к нам спиной - хвоста нет, зато есть крылышки в горошек. Татка, наряженная бабочкой!

Прибежали на Мелиховскую дачу. Вот радость! Все взрослые собрались на крыльце, пробовали отгадать кто -

кто и принесли картошки жареной огромную сковороду. «Ряженных надо угощать!» - сказал их дедушка. И на террасе мы съели картошку. Аллочке как самой маленькой дали конфету - на других не хватило. И мы побежали дальше, помогая бежать Аллочке.

На Таткиной даче тоже полный успех. Ольга Георгиевна решительно никого не узнавала, а Жора, старший брат Таты, оторвался от книги и серьезно посмотрел на нас огромными темными глазами.

Побежали дальше. Незнакомая девочка Соня (она жила на другом конце поселка, была старше нас, и знакомиться с нами ей было совершенно незачем) несколько раз объехала вокруг нас на своем велосипеде. Он у нее как лошадь. Гордая амазонка, она сидела верхом, вполборота. Поправила челку, уехала, вернулась с двумя велосипедистами. Три велосипедиста сопровождали нас в молчаливом эскорте.

Пробегаая между дачами, увидели двух молодых нарядных женщин. Они качались в гамаках, рядом с каждой в гамаке сидел ребенок, у одной - мальчик, у другой - девочка, наши ровесники. Дамы тоже увидели нас.

- Что же это ваши родители не сообщили о карнавале? Мы бы тоже приготовили своим ребятам костюмы! - протянула одна дачница.

Тут Аллочка споткнулась, упала и заплакала. Маленькая еще была!

- Вон ребенок плачет, - зевнула другая. - Не стоит связываться. Кто знает, какие дети. Может, заразные.

С ВАМИ БУДУ ЖИТЬ!

После обеда мы сидели на чьем-то заборе по дороге к станции и ждали папу или маму, кто придет. Забор был очень высокий, сидеть на нем удобно, страшно и спокойно. Удобно потому, что видна вся дорога и наверняка не пропустишь никого, даже не очень знакомого, разглядишь и узнаешь. Страшно - еще бы! - с такой высоты люди кажутся по росту если не воробьями, то воронами. А спокойно

потому, что нам давно ясно: на даче никто не живет, из темных глубин сада не покажется кто-то сердитый, не крикнет на тебя сердитым голосом и не прогонит. Это блаженство, когда в тылу спокойно!

Сидим мы на заборе - все, к кому должны приехать, и к кому никто не приедет, и ждем, встречаем, нам и в голову не приходит, что ждать можно, а встречать еще слишком рано. Обычно на дороге видимо-невидимо тетенок и дяденек, нагруженных сумками, пакетами, а в этот час - пустая желтая дорога и неподвижный жаркий воздух стоит над ней. Мы в тени огромных елей слушаем, как гудят электрички на станции.

- Наверное, сегодня такой день, что никто не приедет, - решаем мы.

И видим на дороге Светлану, нашу старшую сестру. Не одну, а с велосипедом. Дома у нас велосипеда не было, это точно. Поэтому мы не сразу верим, что это Светлана, и ждем. Вот она рядом. Конечно, Светлана! Вид у нее хмурый и независимый, а огромный велосипед весь увешан свертками. Мы все в восторге сваливаемся на дорогу. Светлану это ничуть не удивляет. Она быстро стаскивает с ве-

лосипеда свертки - а они привязаны везде, даже на седле, сует их нам, сажает всех на велосипед, двоих на раму, двоих на седло. Ленка устраивается на ободу переднего колеса. Сама едет - величественная и хмурая - стоя.

Светлане уже одиннадцать лет, у нее свои товарищи, с нами и нашими друзьями она дружит, если нет кого-нибудь постарше. Мы все ее очень уважаем, гордимся ею, побаиваемся и пугаем ею своих врагов.

- С вами буду жить! - хмуро сообщает Светлана Матрешеньке, когда мы все торжественно прибываем домой. - Из города все ребята давным-давно уехали.

- И ты бы давно сюда приезжала, - улыбаясь, говорит Матрешенька.

Светлана, не глядя ни на кого, высокомерно произносит:

- Там я продукты привезла. Отец сегодня не приедет. И мать. - Отвязывает от велосипеда сумку, набитую книгами, и, насвистывая, идет к гамаку читать.

Мы вместе с Матрешенькой снимаем с велосипеда сумки, отвязываем свертки и пакеты, несем на кухню, в погреб.

- Эй, вы! - слышим, возвращаясь. - Чистите велосипед! Он пыльный.

МАЛЬЧИШКА ЗА ЗАБОРОМ

Мы его не видели, но давно знали, что там живет мальчик, которого зовут Лева, потому что его мама громко кричала утром с террасы:

- Лева, иди завтракать!

Днем звала обедать, вечером ужинать, а в промежутках кричала:

- Сыночка! Иди купаться, вода согрелась! Левочка, ты опять кашляешь, иди, обуь теплые носочки! Левушка, вот твой носовой платок! Лева, ты опять не скушал супа! Лева, ешь яичницу! Лева, вот блинчики! Лева, уйди от сквозняка! Левушка, обуь галоши, вчера был дождь!

Мы бегали, играли в прятки и в мяч, в казаки-разбой-

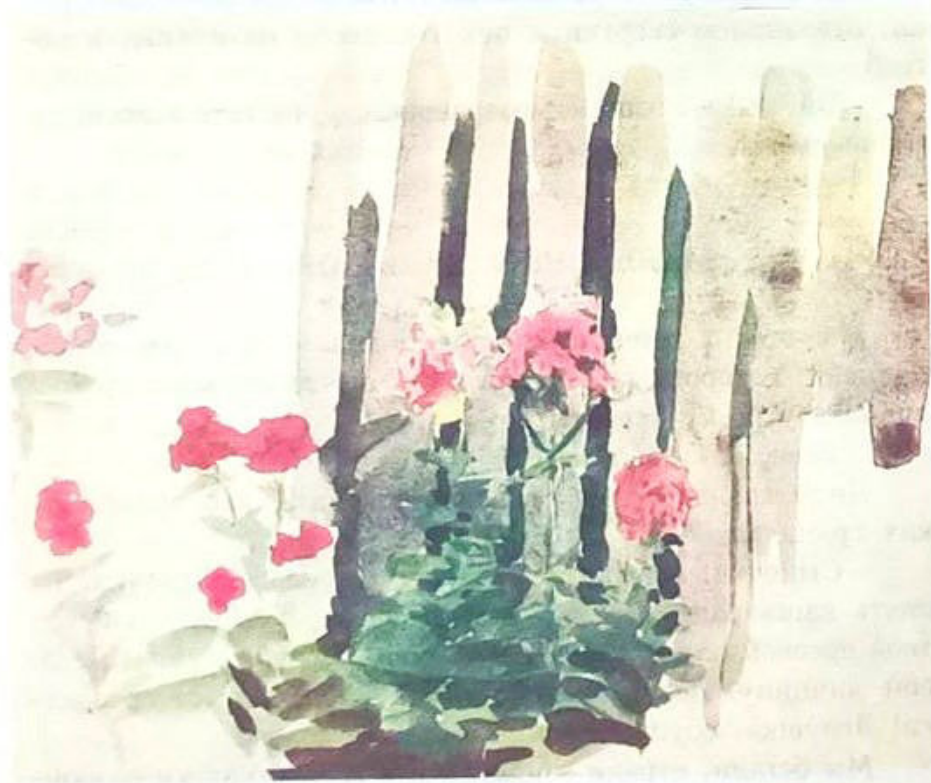

ники, в дочки-матери, в штандер и в чижик, а Леву не видели. Было интересно, какой он, Лева. Мы долго прожили на даче, прежде чем увидели его. А когда увидели, сразу догадались, почему прежде не смогли разглядеть, такой он был маленький и худенький.

Мама стояла на стеклянной террасе, очень большая и очень толстая. И говорила басом. Лева стоял перед ней, переминаясь с ноги на ногу, и тоже что-то говорил, но тихо, будто просто так открывал и закрывал рот. Ноги у него были как спичечки, а трусы большие, черные. Потом они пошли с мамой по тропинке к забору, флоксы совсем загородили Леву, даже белой панамочки не стало видно. Мама из-за флоксов была видна очень хорошо.

С тех пор мы часто видели Леву, просто научились различать его среди цветов и кустов. Он был невысокий и очень худенький, а по возрасту, может, даже постарше, чем мы. Нам было жалко Леву.

- Наверное, он больной. Туберкулезный даже! - поде-

лили мы своими мыслями за столом, когда Матрешенька кормила нас оладушками с молоком. (Что такое туберкулез, мы знали. У Аллочки папа как раз болел туберкулезом.)

- Здоровый мальчишка. Носятся с ним, как с писаной торбой, - хмуро сказала Матрешенька.

- С чем носятся? - заинтересовались мы, но Матрешенька не стала продолжать этот разговор.

Как-то мы играли в путешествие. Необитаемый остров был за кустами у забора. И когда мы строили шалаш, то совсем рядом, за забором увидели Леву. Он лежал с книжкой в траве и смотрел на нас очень большими глазами. Наверное, он давно смотрел на нас, просто мы не замечали. И когда у нас не хватило ветки для шалаша, он сорвал ее с куста в своем саду и просунул между штакетниками. Забор был новый, прочный, и пролезть ему к нам было нельзя. Мы устраивали шалаш и Лева помогал нам как мог. Он хотел отдать коврик, на котором лежал, чтобы мы сделали в шалаше диван, и стал проталкивать коврик через забор, но мы не согласились, - вдруг взрослые заругаются. Диван и так хороший получился из веток и бревна, а коврик лучше не трогать. Тут Левина мама позвала его ужинать.

Утром мы принесли всякие непортящиеся припасы - воблу, сушеные яблоки и увидели из недостроенного шалаша, как Левина мама стоит на крыльце террасы, размахивает руками и громким басом уговаривает, убеждает:

- Левушка, хотя бы один разик! Левушка, воздушную ванну! Левушка, ради меня! Левушка, это так полезно для твоего здоровья! Левушка любит свою маму!

И вдруг Лева побежал.

- Раз-два-три-четыре! Раз-два-три-четыре! - считала мама и махала рукой.

Когда Лева обегал дом с нашей стороны, мы увидели, что на нем кроме панамки и сандалий нет ничего, он бежал голый. Лева тоже увидел нас, упал в траву и горько заплакал. Мы потихонечку ушли в дом, потому что нам было его очень жаль.

Через несколько дней Лева привезли конструктор, по тем временам редкую, дорогую игрушку. Было слышно, как родители говорили ему, то папа, то мама (голос у папы

был не такой громкий, как у мамы), что теперь, когда он захочет, он сможет поиграть с ребятами. У него есть конструктор и он будет играть с ребятами в конструктор.

Ленька побывал там на следующий день. Пришла Левина мама и попросила Леньку поиграть с ее мальчиком.

- Не хочу я больше туда идти! - грызя ногти (он все время грыз ногти, хоть и доставалось ему за это), сказал Ленька. - Парня, конечно, жаль, Леву. Добрый он, умный. Все мне музыки свои, игры совал, книги... Да все равно не пойду. Скучно там. Все время надо мыть руки, раз десять пришлось, пока был. Ноги я дома вымыл, мать заставила.

И Ленька отвернул веснушчатый нос от Левиного дома.

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Наши зимние друзья летом живут неизвестно где, а зимой - в нашем дворе. Зато летние друзья живут летом на соседних дачах, а зимой - неизвестно где. И поэтому летние друзья иногда не могут прийти на наш с Наташей день рождения: десятое января - самая середина зимы. Это очень печально и жалко!

Но у некоторых летних друзей дни рожденья бывают как раз летом. И сегодня нас с Наташей и двоюродной сестрой Аллочкой (она тоже родилась десятого января) позвали на день рождения.

День рождения был не у Клаши, не у Степана, не у Зины, Веры и Сонечки, потому что Сонечке был год, а кто же устраивает годовалым день рождения, одни дураки. Такие малыши ничего не поймут, им все равно, день рождения у них или нет.

Клаша, Степан, Зина и Вера были старшие, и к ним позвали бы не нас, а Светлану и Татиного брата Жору. Значит, день рожденья был то ли у Васьки, то ли у Вовки, это не имело значения. Скорее всего у Вовки.

Мы приготовили подарки, подержанные, но вполне приличные: обнаруженный в клумбе грузовик без колес (ничего, Вовка сам починит!), деревянного клоуна Полишинеля с железными тарелками в руках (его закрасили каранда-

шом, помыли - когда мокрый, он был почти как новый) и книгу про трех поросят, прочитанную только один раз, в которой мы успели раскрасить только один рисунок.

Татке мама дала коричневую расческу в футлярчике, твердый, совершенно новый, с широкими полосами по краям носовой платок и большой букет цветов. Мы долго, пока глаза не заболели, рассматривали сквозь расческу солнце, сосны, зеленые кусты, тропинки. По очереди трогали носовой платок. Кажется, он от этого стал не таким твердым. Цветы мы Татке посоветовали зря не тащить, а бросить через забор, потому что у Вовки и Васьки в саду их было полно, нарвут сколько хотят.

Лева с соседней дачи решил подарить конструктор.

- Это мне подарили, - сказал он, - за прибавление в весе. Я на семьсот граммов прибавился, и мне подарили этот конструктор, чтобы я развивался технически. А я не хочу технически, потому что буду врачом или руководите-

лем балета. В крайнем случае - всемирно известным ученым. Конструктор мне ни к чему.

Мы вежливо похвалили конструктор, хотя он нам не понравился, подумаешь, плоские железки неприятного черного цвета, все в дырочках.

У Ленки был розовый каменный поросенок.

- Тебе от мамы влетит!

- Она не узнает, - шмыгнул носом Ленка. - У нее их осталось целых шесть. А что он грязный, так и должно быть, ведь он поросенок.

Нам очень понравились все подарки и мы пошли обедать. Ведь на день рождения надо было идти после обеда. Мы с Наташей поскорее пообедали. Но Аллочка слишком медленно доедала суп. Она была на три года моложе нас и ела в три раза медленнее. Мы уговаривали ее, показывали, как быстрее поесть. Она очень внимательно слушала нас, очень медленно носила большую ложку из большой тарелки к маленькому роту и медленно опускала ее обратно.

В ожидании мы играли на прощание с клоуном, по очереди в последний раз читали книгу. Потом стали искать среди игрушек подарок, с каким Аллочка пойдет на день рождения. Но все игрушки были заслуженными, нуждались в починке или чистке, или были старыми знакомыми Вовки и Васьки. Что подарить? Наташа открыла буфет. Чудо! Полная тарелка конфет: розовые, белые, дырочки с двух сторон. Их вчера как раз привез папа. И мы решили, что Аллочка подарит одну розовую конфету. Длинненькие, похожие на склеенные соломинки, они так и назывались - «соломка». Через них было хорошо пить чай, или дуть в чашку с чаем, или дуть просто так.

Мы выбрали самую красивую, самую большую соломку, дали ее в руки Аллочке и пошли на день рождения. Друзья уже ждали нас на крыльце. Путь мы выбрали самый короткий, через дыры в заборе. У первой такой дыры мы остановились, чтобы поправить бант на голове Аллочки. И тут кто-то обратил внимание, что розовая соломка в круглом розовом кулачке Аллочки наполовину обсосана. Ясно, что с таким подарком идти нельзя.

Мы с Наташей крепко взяли Аллочку за ручки и по-

бежали за новым подарком. Выбрали самую большую белую конфету, дали ее Аллочке, объяснили, что это подарок, что есть и даже пробовать его нельзя и скорее побежали к дырке в заборе. Наташа пролезла в дыру, протянула руки за Аллочкой и тут заметила, что белая конфета тоже обсосана. Наташа быстро перескочила обратно, и мы побежали за новым подарком.

В этот раз мы дали в руки Аллочке две соломки: кушай одну сама, а другую носи в подарок на день рождения. Аллочка серьезно и молча смотрела на нас круглыми глазами.

Мы схватили ее за ручки и побежали через сад к дыре.

Друзья ждали нас по ту сторону забора. Мы посадили Аллочку и - о ужас! - увидели две обсосанные соломки в ее руках.

В полном отчаянии мы уговорили друзей подождать нас, перелезли обратно в сад и помчались к дому. Дали Аллочке еще одну соломку и поскорее вернулись. Подсаживая Аллочку, с отчаянием посмотрели на розовые кулачки и увидели, что соломка уже обсосана.

- Нам пора, - вздохнув, сказал Татка. - Очень опаздывать нехорошо, невежливо.

Мы молча помчались за новой соломкой. Отдавая ее Аллочке, еще раз объяснили, что это подарок, кушать его нельзя, что придется кое-кого нашлепать, если он хоть разочек лизнет.

У забора ждал один Ленька. Мы сунули ему Аллочку. И увидели в ее кулачке обсосанную конфету.

Несколько раз бегали мы к дырке и обратно. На тарелке оставалась только одна целая конфета. Объяснили Аллочке, что это последняя и за нее надо крепко держаться. Мы не спускали глаз с Аллочки и с конфетки, держали Аллочку за ручки, пока бежали к забору. А когда, путаясь в высокой траве, обжигаясь о крапиву, перелезли через забор и перетащили Аллочку, мы молча во все глаза смотрели на тоненький конфетный кончик, торчащий из розового кулачка.

Мы молча вели Аллочку на день рождения и позволяли ей сосать конфету сколько вздумается.

Мы поднялись по ступеням террасы. Во всю длину террасы на многих деревянных ногах стоял длиннющий стол. Длинные скамьи у стола были заняты хозяевами и гостями. На столе стояло угощение.

Мы тут же отдали Вовке книгу, деревянного клоуна, грузовик без колес, и сами подняли скатерть, полезли под столом на свободные места. А когда вылезли и сели, то с огромным облегчением увидели недалеко от самовара целую гору бело-розовых соломок.

- Рядом с кем ты хочешь сидеть? - спросили мы Аллочку.

- С колбасой! - ответила она, держа в одной руке обсосанную соломку и другой беря кусок колбасы побольше.

РОЗОВОЕ ВАРЕНЬЕ

Мы прибегали на дачу к Тате. У них была большая, очень сильная, очень добрая и умная собака Рекс, немецкая овчарка. Мы с уважением и чуть с опаской поглядывали на Рекса, и старались, на всякий случай, держаться от него подальше. Тата смело садилась на собаку, гладила и целовала ее. Брат Таты, Жора, старше нас года на четыре, с уважением и опаской поглядывал на нас и тоже старался держаться подальше. Обычно он уходил с книгой в сад или уезжал с друзьями на велосипеде. Он был большой, лохматый, умный и добрый.

Мать Таты, очень красивая, высокая, тоненькая, с густыми кудрявыми черными волосами и огромными черными сверкающими глазами, когда мы приходили, переставала читать, стряпать или вышивать и охотно разговаривала с нами. Мы очень любили слушать ее рассказы.

- Тетя Оля! Расскажите, как вы варили варенье из роз, когда были маленькой!

Ольга Георгиевна усаживает всех на ковре в полутемной комнате. За окнами ослепительный свет и жара, а тут прохлада, полумрак, свет лучиками протыкает щели и ды-

рочки в ставнях, сверкает на таинственных предметах, которых на подзеркальнике великое множество. Мы уже бывали в этой комнате, держали в руках и нюхали граненые квадратные флаконы. Однажды Тата вытащила из серебряной пудреницы пушистый, будто из облака, шар и потрогала им наши щеки. Шар был душистый и слегка щекотал - «пуховка».

А в большом зеркале со створками - небо, кусок сада, забор, и птицы летают в небе, и темная ель, и березы, и много-много флоксов - белых и розовых, и молчаливый Рекс в соседней комнате, около дивана на ковре. Мы глядим и слушаем любимый рассказ. Ольга Георгиевна была тогда совсем маленькой, «крохотулей, как вы». Мы не считали себя таковыми. Разве что Аллочку, которая молча и серьезно сидит на ковре и смотрит на нас.

«Ну, были мы совсем маленькими. Летом мама увозила всех нас, детей, погостить к своей сестре - нашей тете в усадьбу. Усадьба большая. Сад огромный, мы - малыши. Братья-гимназисты бегали то на станцию, то еще куда, а нам и в саду было прекрасно. В прятки хоть весь день играй. Кусты густые, трава зеленая...

Вечером все пили чай из большущего блестящего самовара. Как-то раз всех угостили вареньем из розовых лепестков, - рассказывала тетя Оля, - и так оно всем понравилось.

И вот мы вспомнили, что в нашем саду есть розы, и побежали в сад, и сорвали розы, подобрали все опавшие лепестки, потому что их было очень много. А потом сложили в саду таганок из кирпичей. Натаскали щепок, палок, соломы и стали разводить огонь. Варить розовое варенье в кухне на плите нам ни за что бы не разрешили сердитые стряпухи, которые очень любили ругаться.

И тут на огонь пришли наши старшие братья-гимназисты. Разводить костер они тоже любили. Они развели нам маленький прекрасный костер между двумя кирпичами в саду, среди яблонь и кустов смородины. А мы скорее побежали за кастрюлькой или тазом, чтобы варить варенье. Но ни кастрюли, ни таза у нас не было - все они оказались на кухне у сердитых стряпух, которые так любили ругаться.

Тогда мы взяли взаймы у нашей дворовой собаки Бар-

боса ее желтую миску. Миска была пустая. Собака только вильнула хвостом, когда мы взяли пустую миску и побежали к колодезю. Там как раз поили овец, воды в колодезье было сколько хочешь, желтую миску удалось очень хорошо вымыть и даже протереть песочком.

Мы прибежали в сад. Костер пылал вовсю. Пламя поднялось выше одуванчика, который рос неподалеку. Мы стали устанавливать на кирпиче миску и тут вспомнили, что для варенья нужны сахар, или мед, или патока. Средний брат-гимназист быстро сбегал в дом и вернулся с карманом, полным сахарных кусочков. Он их вытащил из буфета, из сахарницы, и никто его не заметил.

Сахар мы быстро положили в миску. Вось! Никто даже не откусил ни кусочка. А когда он расплавился, побросали в него все лепестки роз, и белые, и красные, и чайные желтые. Лепестки стали вариться и булькать, а миска вдруг перевернулась и костер чуть не погас. Мы скорее собрали розовое варенье, все, которое не успело сгореть, положили обратно в миску, долили водой и стали доваривать. Миска еще перевернулась два раза, пока варенье сварилось.»

- Ну и как? Вкусное оно было, варенье? - интересуемся мы.

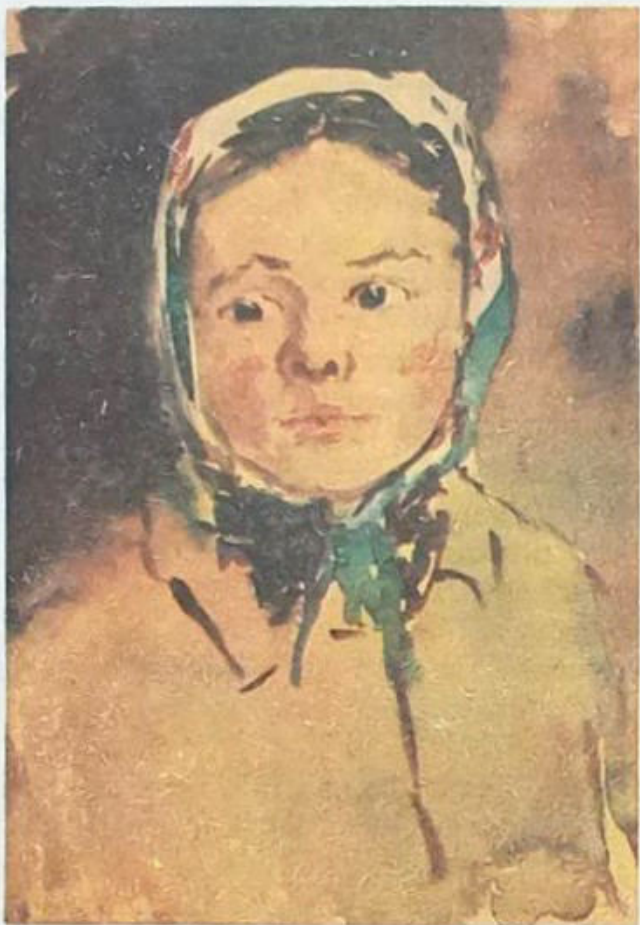
- Не очень, - честно созналась Ольга Георгиевна. - Розами не пахло, зола и песок. Барбос съел! Он нас уважал и ел все, что мы приносили ему в миске. И варенье съел.

Татина мама смеялась, качала головой и снова принималась за чтение или за стряпню, смотря от чего мы ее оторвали. А мы бежали и вспоминали, растут ли в нашем саду розы. Конечно, не растут. Интересно, можно ли варить варенье из флоксов?

ТЕТЯ НЮРА

Аллочка жила у нас не одна, а со своей няней Нюрой. Нюра была красивая, сильная, румяная, все умела делать и ничего не боялась. А мы ее побаивались, потому что голос у Нюры был суровый, да и характер тоже. Даже вор однажды ее испугался. Нюра прогнала его. Дело было так.

У Нюры была только одна нога. Другую отрезало поездом, когда она ехала в город за покупками для своей свадьбы. Жених уговаривал ее все равно выйти за него замуж, но Нюра не согласилась, в свою деревню не вернулась, осталась в городе и стала няней у Аллочки.

Вор лез в окно. Нюра услышала, что кто-то лезет, проснулась. Луна ярко освещала всю комнату и вора на подоконнике. Нюра привстала на постели, взяла с табурета свою ногу (она ее на ночь не разувала, нога деревянная, все равно, обута она или нет), грозит вору деревянной ногой в черном полуботинке и кричит басом:

- Тебе что тут надо, злодей? Ты куда лезешь, злодей? Вот я тебя!

Вор до того перепугался - нырнул головой в сад, только его и видели.

Мы все утро исследовали землю под окном и у забора, ища подозрительные следы, и поглядывали на смятые цветы.

ДИКИЙ МЕД

Было солнце, было очень тепло, из дома все куда-то ушли, а мы сидели и разговаривали.

- Мед очень сладкий, - сказала Аллочка, глядя на стены из желтых бревен, залитые солнцем. На бревнах висели прозрачные капельки смолы.

- Мед приносит медведь, - сказала я.

- И вовсе нет, - возразила Наташа. - его на фабрике делают.

- И вовсе не на фабрике! - закричала соседская девочка Надя. - На заводе, а не на фабрике.

- Ой, до чего дураки! Малоумки какие-то! - презрительно сказала наша старшая сестра Светлана. - Пчелы мед добывают! Ясно? Летают от цветка к цветку и собирают с каждого цветка по капельке. Капельки такие, что в микроскоп еле видно. У пчел дома есть, как у нас, у людей, называются - ульи! Для домашних пчел их люди делают, а дикие пчелы сами себе ульи строят. Они там спят, едят, детей воспитывают, зимуют и мед хранят. У них там вроде склада такого медового. Ясно? Вон сколько пчел летает над цветами. Понятно, почему? Вон на флоксе сидит, вон на петунье уселась. Теперь ясно?

И Светлана убежала играть в волейбол с большими ребятами, а мы остались сидеть на крылечке, обогащенные новыми ценными сведениями. Теперь мы по-новому смотрели на летающих, ползающих пчел.

Вон, оказывается, что! Пчелы добывают мед. Это очень хорошо! Пчел летает видимо-невидимо. Домашние ульи мы видели в чьем-то саду и на картинке. Но мы найдем дикие ульи, наберем дикого меда и принесем домой. Все так обрадуются! А то вчера папа привез из Москвы мед, а мама говорит:

- Ты не покупай. Он дорогой. У нас и так денег не хватает.

Пчелы летают в траве и над цветами. А где пчелиные ульи? Мы вспомнили, что сразу много пчел видно на нашем чердаке. Летают, гудят. Значит, где-то там ульи.

Как раз приходят наши ближайшие подружки, и мы все лезем на чердак. Совместными усилиями переправляемся по большой, рассчитанной на взрослые ноги лестнице, приставленной к люку, и поднимаемся на чердак.

На чердаке находим ульи. Из них на наших глазах вылетают пчелы. Ульи висят на концах стропил, на краю крыши. Мы подсаживаем друг друга, отрываем нижний улей. Он по величине средний, вроде мелкого арбуза или очень большого яблока, и, похоже, сделан из сгоревшей бумаги. Он шуршит у нас в руках, когда мы давим, чтобы покапал мед. Мед не выдавливается, не капает. Мы начи-

наем проковыривать дырочку, но самый догадливый из нас соображает, что делать, спускается с чердака и приносит нож. И мы аккуратно режем улей пополам.

Там много маленьких норок, некоторые - серые и пустые, а в некоторых - белое, мокренькое. Дикий мед! Мы по очереди пробуем его, стараемся убедить себя и других, что он сладкий. По правде говоря, он совсем невкусный. «Наверное, его надо посыпать сахаром», - догадывается один из нас.

Мы не успели сбегать в кухню за сахаром. Послышался шум. Из чердачного люка выглянула недовольная Светлана:

- Ну, где вы? Мне велели смотреть за вами, а вас не видно. Эй, что вы там делаете?

- Светлана, мы мед нашли! Вот полный улей!

Светлана оказывается мигом возле нас, выхватывает у нас улей и - хлоп! - выкидывает в чердачное окно как можно дальше и говорит странным шепотом:

- Марш отсюда! Вот дураки несчастные! Вы же осиное гнездо разорили! Осы вас покусать за это могут!

Торопить нас не надо. Мы скатываемся по лестнице, прячемся в комнате. А Светлана нам объясняет:

- И как только вы живы остались, недоумки несчастные! Пчелы - это пчелы, а осы - это осы! Осы никакого меда не приносят. Они просто летают и кусаются. Пчелы - покороче и пушистые, коричневые, летают медленно. А эти - вжж! вжж! - и полосатые. Понятно?

Мы кивали головами, пугались и весь день боялись выйти в сад. Осы заметят нас, догадаются, что это мы разорили их гнезда и закусуют до смерти.

ЕЖИК

Папа хотел, чтобы мы были добрыми и любили животных, и поэтому у нас в доме время от времени появлялись какие-то животные, которые потом незаметно и таинственно исчезали. Так же таинственно и навсегда, как барабанички или гармошки, которые дарили нам гости.

Морская свинка, толстая, молчаливая и немного испуганная заинтересовала нас с сестрой своей непохожестью на настоящую свинью. Мы долго обсуждали, стоя возле клетки, почему ее называли именно свинкой, а не как-нибудь иначе. Погладили по жесткой шерстке, чем привели ее в состояние еще большей удрученности, и ушли играть с подругами, рисовать, читать книжки. Потом свинка оказалась в Светланиной школе, в живом уголке. Светланины одноклассники часто говорили про нее, когда приходили к сестре вместе учить уроки.

Желтая канарейка жила у нас долго, года два. Папа приучал нас ухаживать за ней, но, постоянно напоминая нам об этом, ухаживал за ней сам. И за рыбками сам ухаживал.

А ежик - ежик был чудо! Мы сразу называли его Яшка. Он звонко топал по деревянному полу коготками, когда бежал по комнатам, всюду совал длинный носик, хмыкал, чихал, одобряя или не одобряя увиденное, и глазки у него сверкали, как смородинки.

Чем глубже осень, тем реже он играл с нами, меньше интересовался молоком в блюдце, долго пропадал под шкафом, где у него была постель - старый половичок, который Матрешенька специально выстирала, где Яшке было приятно спать. Всю зиму он и проспал на этом половике под шкафом, в самом дальнем углу.

Зато когда солнце стало вставать рано и уходить с неба поздно, Яшка выкатился из-под шкафа и пошел гулять по комнатам.

- Дверью не прихлопните! Много ли ему надо! - тревожилась Матрешенька.

На улицу его не брали, боялись за него: как понесем? Там собаки, мальчишки. Это сейчас мальчишки более цивилизованные.

В квартире Яшка был полный хозяин и лазал повсюду. Папа торопится утром на работу, натягивает сапоги, - из сапога сердитое пыхтение. Яшка сердится, что его зря потревожили. С тех пор взрослые всегда вытряхивали обувь прежде чем надеть.

Однажды Яшка пропадал весь день. Мы напрасно пол-

зали по всей квартире, шипели, звали: «Яш! Яш!», ставили блюдечки с молоком в разные потайные уголки. А вечером папа вернулся с работы, поставил на пол портфель, и от туда, негодующие фыркая, выбрался Яшка и зацокал по полу в кухню, к блюду с молоком: проголодался за день. Он ходил с папой на работу, вернее ездил в портфеле. Залез туда ночью, а папа обнаружил его только на работе. Открывает портфель в кабинете, хотел своему начальнику поднести деловые бумаги, а там, на деловых бумагах, Яшка фыркает - на папу, на начальника и на сидящих товарищей по работе, хотя они-то и подарили папе ежика, нашли в лесу и - нам, ребятам.

КАМУШКИ

Мы сидели на траве и играли в камушки. Эту игру, а вместе и сами камушки мы привезли с Украины, где побывали в начале лета, и весь наш двор, все мальчишки и все девчонки научились играть и играли в эту игру и утром, и вечером, пока не заходило солнце. Темнеет, все камушки кажутся серыми, подбрасываем их и ловим и никак не оторвемся от этой игры.

Попробуйте сами, это очень интересная игра; если вы не очень маленькие или не очень большие. Соединив ладони ковшиком одна к другой, погребите камушками, смешайте их и, отняв ладони, высыпайте их перед собой. Кучка из шести - двенадцати камушков. Подбросив один камушек кверху, хватаешь с земли другой и в ту же ладонь подхватываешь падающий сверху. Удалось поймать, откладываясь в сторонку оба, подбрасываешь третий камушек и хватаешь с земли четвертый, пока все камушки не переловишь и не схватишь.

Для игры нужно было хорошее удобное место. О тротуар, например, пальцы обдирались. Лучше всего мягкая притоптанная земля или притоптанная травка. Место для игры отыскалось на той стороне дома. Там, правда, чужие окна глядели на нас. В случае чего не покричишь. Не взглянет родное лицо, не защитит криком: «Вот я вас! Чего

пристали к маленьким?» Мы - Светка, Лузочка, я и Наташа устроились на притоптанном газоне очень удачно. И нам никто не мешает, и мы никому не мешаем.

Очередь бросать камушки не моя. Оглядываюсь и вижу, как солнце садится за зеленый забор. Там таинственная картонажная фабрика из темно-красного кирпича. Оттуда выходят утомленные люди. Очень хочется там побывать. Но не хочу доставлять лишних забот сторожу. Забор то ли сломали, то ли он сломался сам. Мальчишки и большие девочки залезали на поломанные кирпичи, проникали внутрь. Сторож только успевай кричать и гоняться за ними. Там можно найти разноцветные картонные трубочки, тоненькие на концах, с утолщением посередине - шпильки. Но к игре как-то не удавалось их приспособить.

И вот наступала моя очередь. Я один за другим брала в ладони теплые камушки, подбрасывала их и забывала про все на свете. А когда камушки подбрасывали Света, Лузочка или Наташа, я смотрела на бабочек. Много-много крупных разноцветных бабочек. И я забываю про все на свете, следя за ними.

Вот так и летают весь день перед глазами то легкие бабочки, то тяжелые камушки.

МОРОЖЕНОЕ

Мороженое продавал на станции хмурый дяденька. Он был в белом фартуке и стоял возле блестящего сооружения, похожего на алюминиевую походную кухню средних размеров, или же на поставленные на колеса огромные баки для кипячения белья. Из этих баков он доставал ложкой необыкновенно вкусное мороженое, укладывал в аккуратные круглые коробочки, напудровывал этакий алюминиевый шпенек, и мороженое выскакивало наружу, засунутое между двумя круглыми вафлями, ровное, как куличик из песка. Мороженое было белое (сливочное и пломбир), желтоватое (крем-брюле) и розовое с ягодками - земляничное.

Мы стояли на пыльной площадке и смотрели, как продается мороженое. На станции было очень интересно. Даже

небо там было другое, его не загораживали деревья, как в нашем саду. Под ногами была не сочная зеленая травка, а пыльная площадь, и воздух был пыльный, и небо было пыльного цвета. А еще была длиннейшая пыльная деревянная платформа, по которой Светлана нам не разрешала бегать, потому что у платформы останавливались электрички.

Мороженое было по шесть копеек или по девять. Было еще по восемнадцать, но мы очень редко видели, как его покупают. Обычно кто-нибудь подкатывает на велосипеде и спрашивает маленькую порцию. Большая красная рука в белом рукаве берет монетки. Хмурый дяденька держит самую маленькую коробочку, напудровывает снизу шпенек, и вот в руках у счастливого человека чудо - сияющее белое или розовое кольцо в двух вафлях. Мы даже не завидовали счастливцу, мы радовались за него.

Мы уже знали, что маленькие порции кладут только в

клетчатые вафли, средние - в клетчатые и в вафли с именами. Большие покупали так редко. Конечно, они должны быть с именами, как же без этого. А еще что? Наверное, отчество.

Мы стояли и радовались, когда кто-нибудь покупал среднюю порцию и на круглой вафле попадалось имя кого-нибудь из нас (это была неслыханная удача!) или хотя бы имя какого-нибудь нашего знакомого. Продавец никогда не менял вафли. Например, покупателя звали Алик, а на вафле написано «Катя», но хмурый дяденька даже на «Петю» не согласится менять.

Подходили старшие ребята (они перешли во второй или в третий класс), доставали все свои деньги и покупали мороженое. Малышам тоже хотелось лизнуть. А иногда шесть копеек было у кого-нибудь из нас. Он брал мороженое. Мы все отходили в сторону. Ребят человек пять или семь, а мороженое было одно, да в конце концов это всего лишь одна столовая ложка.

Стояли мы так один раз в пыльной траве. С одной стороны по рельсам проезжали поезда, с другой стороны по

дороге - лошади с телегами и велосипедисты. И вот велосипедист, большой мальчик, гораздо старше нас, наверное, уже в классе шестом или седьмом, поехал медленно-медленно, на нас почти не посмотрел, прищурился, посвистел и быстро помчался мимо по дороге, обгоняя лошадей с телегами. А в пыльную траву, прямо к нашим ногам, покатились монетки - и на мороженое по восемнадцать копеек, и на мороженое по девять копеек, и на мороженое по шесть копеек, по порции на каждого из нас.

Тогда мы, конечно, подумали, что большой мальчик нечаянно уронил деньги, что у него возле мороженщика срочно образовалась дыра в кармане, и монетки выпали, весь наличный капитал. Да мы и не думали долго, с визгом бросились в траву, радостно подобрали монетки и купили мороженое, - каждому хватило!

Это было в тридцать шестом. Через пять лет началась война. Этот мальчик, конечно, мог попасть на фронт с первого же дня войны. Вернулся ли он? Из Светланиного класса вернулись всего четыре человека.

ЗА МЫЛОМ

Одно лето мы отдыхали на Украине, на реке Сейм, в деревне Теткино. Ну и жара была! С нами была мама, и мы купались в реке по всем правилам: не отходи от берега, не бросайся в воду сгоряча, то есть остынь, прежде чем броситься, искупался - надо вытереться полотенцем, а не сохнуть на воздухе и так далее. В общем, все как положено. Иногда не купались, а просто мылись с мылом и мочалкой.

И забыли мыло где-то на берегу под кустом. Мама вспомнила об этом на полдороге, возле поля подсолнухов. Мыло по тем временам - вещь дорогая. Мама вопросительно посмотрела на нас. Кому бежать за мылом? Остальные подождут, посидят вон под тем деревом.

Наташа стояла далеко, думала о своем и по близорукости маминого взгляда не замечала. Светлана о чем-то быстро и громко говорила с нашей двоюродной сестрой Мурой и хозяйкиным сыном Даней.

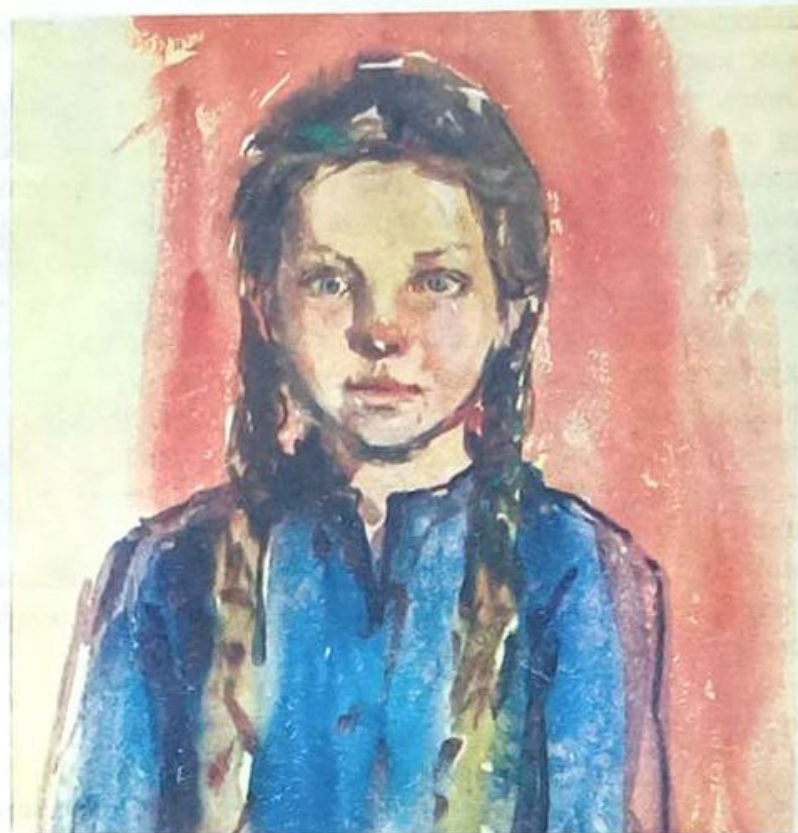
Я не выдержала маминого взгляда и - бегом назад, к Сейму. Дорога почему-то бесконечно удлиняется, когда бежишь один.

Я подбежала к реке, быстро нашла мыло. Теперь быстро раздеться и, не остыв, разгоряченной, броситься в воду, отбежать подальше от берега и поплавать, а потом, не вытираясь, броситься назад и прекрасно обсохнуть по дороге! Перед глазами вспыхивали все новые прекрасные возможности, а ноги уже повернули обратно, и по горячей пыли проселочной дороги я поскорее побежала к своим.

- Не искупалась? - спросила мама. - Ну и дурочка!

НЕ БОИМСЯ ЛУПЕША

Конечно, на даче самой любимой игрой была «Не боимся лупеша». Для этой игры была необходима наша старшая сестра. Она, так сказать, играла главную роль. Сначала надо было упросить ее играть с нами, мелюзгой; она соглашалась не всегда. Только когда было настроение и не было ребят поблизости, ее ровесников, или когда она при-

едет из города. Дача ей наскучивала и она довольно часто ездила в город - «проветриться».

Но когда соглашалась - только держись! Скажет негромко: «Ну ладно, играем!» Как буря, вылетали мы из дома, летим, не разбирая дорог, вопим, как зарезанные: «Не боимся лупеша! Не боимся лупеша!» Играли, так сказать, по вдохновению, с настроением. А ведь все или почти все получается, если делать с настроением или по вдохновению, в общем, талантливо.

Орать-то мы орем, что не боимся, а на самом деле боимся страшно. И есть чего бояться: не дай Бог Светлана вдруг передумает играть, книга интересная попадется, или еще что. А если нет, то она выйдет на террасу, сойдет со ступенек, медленно подойдет к калитке и помчится за нами, как стрела, выпущенная из лука, как лиса за зайцем,

как собака за кошкой. А мы спасаемся, как зайцы от лисы или как кошка от собаки. И так же нам страшно.

Очень далеко убежать нельзя было и нечестно. Бегали вокруг в некотором отдалении от Светланы, десять шагов, пятнадцать или пять - все равно. Чем ближе, тем веселее. И каждый орал: «Не боимся лупеша! Не боимся лупеша!»

Когда Светлана кого-нибудь ловила, естественно, наступало то, что скрывалось за этими словами. Светка лупила по-настоящему. Играть так играть. Если лупят потихоньку, то играть неинтересно. Но это было не все. Главное наказание было впереди и оно менялось от Светланиного настроения и обстоятельств. Если, например, наша дача была пуста, то пойманные доставлялись на чердак. А взрослые обычно восстанавливали справедливость: «Большая, а маленьких трогает!» - «Экая дылда, а с малышами связалась!» - и так далее. Нотации кончались Светланиными слезами и громким оправданием:

- Они сами просили! Сами лезут, а я потом отвечаю! Не буду с ними играть!

- Ну, играли бы потихоньку...

А что за интерес играть потихоньку? Еще в доме можно, но не на улице. Даже если в доме был кто-то, пойманный в этом случае не сопротивлялся, послушно бежал следом, - обегал дом, влезал по высоченной приставной лестнице на чердак.

Далее Светлана лестницу убирала. Пойманный оставался сидеть на обширном темноватом чердаке среди узких золотых остатков света, в которых плясали пылинки, пытался ловить эти пылинки, такие видимые на свету и совершенно таинственно пропадавшие, если пойманную пылинку вынесли из лучика, думал о чем-то своем или следил сквозь чердачные щели, как идет туча, и ждал своей участи: то ли Светлана поймает, отлупит и приведет очередную жертву, то ли товарищи с воли успеют подставить деревянную лестницу. Тогда кто-нибудь выручит. Чаще всего Ленька. Он был общим выручателем, никогда не соглашался быть Светланиным помощником, это у него не получалось, хотя был почти ее ровесником. Гремел люк, а в нем - всклокоченная голова, громкий свистящий щепот. У Лень-

ки не хватало всех передних зубов. Поэтому он прекрасно свистел в два пальца, громче его никто не свистел. И плюнет тоже со свистом, и лучше было стоять подальше, а то нечаянно оплывает. Справедливость он ставил превыше всего. Из-за нее (проспорил - выполняй) он спрыгнул однажды в Москве с третьего этажа, остался цел и невредим, если не считать всех передних зубов, которые он, упав, выбил о собственные колени.

Вырученные кубарем скатывались с деревянной приставной лестницы - и как никто не сломал себе шеи, ума не приложу. Спасенный вместе со спасителем и другими снова носился по улице, прятался за деревья, фонарные столбы и отчаянно вопил:

- Не боимся лупеша! Не боимся лупеша!

Если на чердак почему-либо было нельзя (там сохло

белье или его снимали), придумывались другие наказания. Однажды наши добрые соседи прибежали жаловаться Матрешеньке: всех пойманных Светлана привязала за ноги, да так, что узлы пришлось перерезать, - к фонарным столбам. Но они не соглашались идти ужинать, бегали от родных и вопили:

- Не боимся лупеша! Не боимся лупеша!

Какие бы наказания Светлана ни придумывала, мы беспрекословно слушались: иначе в следующий раз играть с нами не будет.

Принесет к колодцу ведро и начинает обливать нас холодной водой.

- Да что ты делаешь, бессовестная! - ахают соседи и опять бегут жаловаться к Матрешеньке. - Да ты всех протудишь, вон ветер какой.

Светлана прекращает поливать нас из ведра, сердито смотрит на соседок. Наскоро отшлепав оставшихся пленников, срочно уводит всех в малинник, исчезает, через минуту возвращается с независимым видом и книгой «Робинзон Крузо». Усаживает мокрых пленников на солнышко, сухих - в тень и начинает вслух читать «Робинзона Крузо».

Мы сидим тихо и слушаем. И не скажешь, что это мы несколько минут назад отчаянно вопили: «Не боимся лупеша!» Попробуйте, это очень интересная игра.

ИГРУШЕЧНАЯ ПОСУДА

Из командировки папа привез нам игрушечную деревянную посуду: крошечные чашечки с блюдечками, сахарницу, чайничек, вазочку, самовар и полоскательницу, чтобы мыть эту посуду. Внутри посуда была белая, снаружи - синяя с розовыми цветочками и зелеными листьями.

Мы тихо ахнули от радости. Потом досыта налюбовались посудой, погладили синие края чашечек, подули на них, понарошку попили; отворачивали самоварный краник: совсем крошечный, а мог открываться! - и отнесли на террасу, чтобы с утра поиграть как следует. И все легли спать, потому что время было позднее.

Утром, чуть встали, мы побежали на террасу к новым синим чашечкам, блюдечкам, самоварчику и сахарнице.

Посудка стояла не на столе, где мы ее оставили, а под столом, и рядом с ней сидела Аллочка, наша двоюродная сестренка. Аллочка была моложе нас ровно, день в день, на три года, зимой ей как раз исполнилось два. Сейчас она сидела под столом, окруженная синими чашечками, блюдцами, сахарницей, самоварчиком и очень серьезно смотрела на вторую половинку синей чашечки, лежащую у нее на ладошках. Она серьезно поглядела на нас, положила в рот эту половинку - крррак! - на ладошке уже четыре половинки. Крррак! - уже много мелких кусочков, беленьких с одной стороны, синих с другой и желтых в изломе. Крррак!

...Мы смотрели в оцепенении, как одна за другой уходят в небытие синие чашечки и блюдечки. Крррак! - вот уже нет сахарницы. Аллочка невинными глазами, круглыми, как эти деревянные блюдечки, молча глядела на нас, вот поднесла к губам блюдечко - крррак! - лежат на ладони синие кусочки.

В отчаянии мы протянули руки к чашечке. Кррак!

Куда девался весь разум, который, по-видимому, был

у нас. Чужие взрослые говорили: «Какие умненькие девочки!» Наверное, они ошибались, эти взрослые, потому что мы не отобрали у Алочки синие чашечки, и блюда, и вазочку, и самоварчик, а сели рядом на пол, на широкие доски и - кррак! - разгрызли по чашечке, крррак! - по блюдечку. Самоварчик долго сопротивлялся, он был из целого кусочка дерева. Крррак! - со слезами на глазах покончили мы с самоварчиком. Мокрые черепочки складывали в кучу на полу. Большая получилась куча.

И тут на террасу вышла Матрешенька:

- Ищу вас, ищу, и не найдешь. Умывайтесь скорее! Будем все завтракать! Папа расскажет вам про командировку. Он ездил на Унжу, это река такая, Унжа... Батюшки, что же вы наделали, безобразницы! Да что же это такое?

Тут папа вышел на террасу, легкой походкой подошел к столу, заглянул к нам, добрые, веселые глаза его стали тусклыми, скучными, он выпрямился и ушел с террасы.

- Ах, они безобразницы! Да вот я их, - услышали мы вскоре сердитый Матрешенькин голос, а потом были слезы.

- Да ладно, Матреша, оставьте их, - сказал усталый папин голос.

И такой усталый был папин голос, и такой расстроенный Матрешенькин, что, наверное, помню я каждый звук этих голосов и сейчас.

- Не привозите им больше ничего, Иван Степанович. Надо же такую красоту испортить. Стыда у вас нет, совесть! Играли бы да играли! - ворчала Матрешенька, выметая веником из-под стола, а мы стояли рядом и тупо глядели на эти синие осколочки. И было как-то неуютно, какая-то серая пустота пришла в дом.

Стол был без скатерти, но если бы мне пришлось делать рисунки к этому рассказу, я бы лучше нарисовала скатерть длиною до самого пола, чтобы не было видно, как мы сидим и грызем синие чашечки с белыми серединками и розовыми цветами. А теперь я так люблю, собираю и храню всякую игрушечную посуду.

РЫБА - ПТИЦА - ЗВЕРЬ

Выходим из калитки, идем на болото. Там трясина, она может проглотить всего человека с ножками-ручками, с головой. Даже взрослого проглотит, не то что маленького. Сначала идем мимо знакомых дач, потом мимо незнакомых...

Вот так и сейчас, давно уже взрослая, нет-нет да и пойду, как в детстве, в дикие незнакомые места. Однажды заблудилась в весеннем лесу, вошла туда больной, вышла здоровой.

А еще было так. Я иду по лесу и боюсь наступить на гриб, на гусеницу, на жука. И говорю про себя, даже губами не шевеля, беседую, разговариваю с лесом беззвучно...

Это в детстве. Теперь мне совестно беседовать с лесом как в детстве, и я говорю с ним по-другому, но тоже тихо. Беру бутылочку с водой для разведения красок, ложусь на тропинку и, не срывая, рисую какой-нибудь лесной цветок. Или ветки деревьев и пустоты между ними.

И снова - детство. Мы сидим и играем в «рыбу-птицу-зверя». Интересная и простая игра. Наташа, Света, Лузоч-

ка, Зося, Люся, Нина сидят в ряд на стульях, а я стою перед ними, тычу в кого попало пальцем и говорю: «Рыба!» или «Птица!» Говорить надо очень громко и тут же начинать считать: «Раз-два-три!» Рыб, птиц и зверей на свете видимо-невидимо, но от неожиданности, с перепугу почти все они выскакивают из головы.

Всегда все хотели, чтобы именно я говорила: «Рыба! Птица! Зверь!» Если говорил кто-то еще, игра выходила не так интересно. Наверное, потому, что я говорила громко, решительно. И еще потому, что вижу - у Лузочки нет больше сил собираться с духом и отвечать, Зося смеется. И неожиданно тычу пальцем в задумавшуюся Наташу: «Зверь!»

- Медведь! - подскакивает Наташа.

Я и сейчас играю в эту игру. И все, как в детстве, называют тех же самых зверей, птиц и рыб, а остальных не могут вспомнить от растерянности. И мне кажется даже, что я создана для того, чтобы в компании друзей наилучшим образом провозглашать:

- Рыба! Птица! Зверь!

В ТОТ ДЕНЬ МЫ СОБИРАЛИ ЩАВЕЛЬ

В тот день мы собирали щавель. Луг был большой. С одной стороны - канава, с другой - речка, с третьей - горизонт, а с четвертой - шоссе. По нему медленно двигались люди и лошади, мчались машины. Мы набрали полные подолы, наелись соленьевой травки до отвала. Так удачно все получалось: собираешь на лугу щавель и встречаешь маму на шоссе. Вот быстро шагает какая-то тетенька. Мы не сразу узнали в ней маму, а когда она позвала нас, прибежали, и мама странным чужим голосом сказала, что началась война.

Мама ушла в деревню, а мы забрались в канаву, в тень, и там обсудили все вопросы, касающиеся войны и фашистов. Было тревожно и радостно. Мы решили, что фашистов мы, конечно, тут же победим. Что нам стоит! Раз-раз! Так им и надо! Пусть не лезут! Это хорошо, что они на нас напали, а не на кого послабее...

- Мы им покажем! Как полетят вверх тормашками! - Вовка показал, как полетят фашисты.

Аллочка задумчиво повторила:

- Да, полетят вверх тормашками они все!

Потом мы обдумали положение с голодным годом. Матрешенька много рассказывала нам прежде о голодных годах. Когда они бывают и почему. Матрешенька, вспомнили мы, говорила, что голодный год бывает после засухи, неурожая, а еще - во время войны. Мы решили на всякий случай сейчас же подготовиться к нему. И даже немного пожалели, что он еще не наступил, вот бы сейчас накормили щавелем всех-всех!

Мы радостно, как будто голодный год уже настал, понесли пищу, кисленькую, свежую, домой. Но Матрешенька как-то не очень обрадовалась щавелю; расстроенная, печальная ушла в дом. В доме кто-то плакал.

Мы зашли и увидели тетю Нюру. Локти на столе, голова на ладонях, худые плечи вздрагивали.

Мы испугались, молча ушли из дома.

ДЕРЕВЕНСКИЕ ЛЕПЕШКИ НА САЛЕ

Мы с Наташей тихо стояли и плакали. Было очень холодно, есть хотелось постоянно, все время. Ночью проснешься - хочется. Днем, во время уроков, не хотелось думать о еде, а попробуй не думай. Тощие были и длинные. Наверное, вся еда уходила в рост. Стоим у окна, глядим на свои пальцы на руках - худые, в каких-то страшных белых болячках. Темнело. Спустили маскировочные шторы, зажгли свет, надо было делать уроки.

Тут пришла из госпиталя мама с невероятной новостью: завтра мы идем на праздник - день рождения Нели, нашей подруги, и ее папы, начальника маминого госпиталя, где мама заведует отделением. Мама - майор, Нелин папа - подполковник. У них было трое детей. Мать, тоже врач, ушла на фронт добровольцем.

Мы принесли подарки. Какие - не помню. Весело было или нет - тоже не помню. Накрытый стол в большой ком-

нате. Длинный-длинный, кончается где-то вдали, и весь уставлен едой. Нас усадили за этот стол, дали тарелки.

Я сижу и ем. Ем все, что дают. Кажется, были винегрет, жареный гусь с картошкой, студень, щи, еще много всего. И только вижу испуганные мамины глаза: ей было, конечно, стыдно, неудобно, что ее дочери в гостях так жадно едят. Может, взрослым не так голодно, они не растут все-таки, уже выросли.

Но мама ничего не сказала. А потом я увидела жалость и тревогу в маминых глазах. Маме все время было некогда: больные, больные, молодые ребята лет на пять-шесть старше нас, и госпиталь у нее трудный, спинномозговые ранения, такие тяжелые раненые, так часто умирали...

Потом я будто очнулась. Сажу с лепешкой в руках. Лепешки в блюдах были расставлены по всему столу, деревенские, на сале, из духовки. И я понимаю, что не могу доест эту лепешку. Откусила - и больше не могу. Завтра буду жалеть, что не съела еще пять лепешек - их здесь полные блюда, по всему столу. А сейчас - не могу.

АЛЬКА

Алька училась в нашем классе и ни с кем из класса не дружила. Говорили, что она водится с малышами, которые живут возле шинного завода - на самой окраине города. Наверное, ей с ними было скучно - вроде еда без соли. Она была совсем некрасивая: маленькая, тощая, волосы висят, как бело-рыжие прямые нитки, закрывают уши, лоб, глаза. Иногда Алька уберет челку, но ненадолго, нагнет голову, - волосы опять висят. И через них виднее всего веснушки - много, и все яркие, рыжие. Губы у Альки почти всегда сжаты, а носик небольшой, красный, и Алька почти всегда им шмыгает, потому что одежда у нее слабовата, как почти у всех в классе. Из той одежды, что была до войны, выросла, а новую шить не из чего. Другие ребята донашивают платье старших сестер и братьев, бабушки перешивают что-либо свое. А у Альки ни сестер, ни братьев, ни дедушки, ни бабушки.

Папа у нее на фронте, мать все дни и ночи на шинном заводе. Сколько продукции надо выпустить, а мужики на войне! Алька тоже хотела идти работать, но мать уговорила учиться, сказала:

- Долю твою отработаю, не беспокойся.

Мне нравилось смотреть на Альку. Наверное, потому, что сразу видно - она никогда не врала. Просто что думала, то и делала сразу. Даже глупости.

Еще у нас в классе была Эля Гладких, очень красивая. У нее были косы длинные, ровные, блестящие. Мама ей сама их расчесывала, заплетала. Ее мама почему-то не работала и очень следила за Элей. Мы как-то спросили Элю, правда ли, что ее мама не работает. Эля смутилась и сказала, что мама нездорова.

- С жиру бесится! - сказали мальчишки, которые знали Элю. Они были правы, хотя Элина мама была совсем не толстая, скорее худая, и плечи у нее были узкие, и руки,

и шея - длинные, худые. У Эли были, по мнению мамы, музыкальные пальцы, и ее учили музыке.

На фронт, конечно, нас не взяли бы. Но мы и сами понимали, что делать нам на войне пока нечего. Помогать фронту надо было. Но как? Учиться! Так говорили все: и радио, и родственники, и учителя. Мы и учились, кто как мог. В общем, неплохо.

Мальчишки бегали помогать при разгрузке - на вокзал, на склады. Моральная сторона здесь иногда поддерживалась материальной. Мальчишки и нам приносили заработанное, правда, не часто. Говорили, что мальчишки были более голодными, чем мы, потому что больше двигались. И все-таки был случай, когда они угостили нас солеными огурцами. А однажды насыпали полные карманы пшеничным зерном. Дома нам из него сварили кашу.

Девочки из класса пошли в госпиталь. Робея, подталкивая друг друга, задержались перед решеткой с узорным лифтом. Эля прошла первой, так получилось.

Из дверей госпиталя навстречу нам вышла группа сестер. Путаясь и сбиваясь, рассказали, зачем пришли. Сестры

перестали смеяться и разговаривать, посмотрели на одну - самую упитанную и румяную. Потом оказалось, что это старшая сестра.

- Это хорошо, - сказала она, подумав. - У нас много лежащих тяжелых раненых, будете кормить их, помогать санитаркам. Кому почитаете, кому письмо напишете - все раненым польза... А этой замарашке сначала вымыться надо, - кивнула она на Альку. - Вон бери пример с подружки! - И она показала на Элю.

Алька повернулась, решительно высморкалась и пошла прочь к калитке. Я хотела догнать, но все уже входили в двери госпиталя.

Через несколько дней Эля перестала ходить к раненым.

- У меня болит голова. Мама сказала, это оттого, что в палатах душно.

Действительно, в палатах было душно.

Я уговаривала раненых, что лежали возле окна, укрыть их как следует. И как приходила, сразу открывала окно. Они скоро привыкли.

- Ну, сестренки пришли! Сейчас будут воздушные процедуры!

Альке (она, конечно, пришла на другой день) дали самый драный, застиранный халат, весь в лохмотьях. И каково же было наше удивление, когда на следующее утро Алька, румяная, причесанная, даже веснушки у нее сияли как новенькие, вошла в палату в аккуратном, отглаженном, даже нарядном белом халате. Они с мамой всю ночь приводили его в порядок, штопали, гладили, перешивали, перелицевали его Альке по росту, кармашки перешили.

- А мы-то собирались его списать, - сказала старшая сестра. - Чего-чего, а халатов у нас хватает.

- Ну и дурочка, что себе не оставила, - сказала Эля, узнав об этом случае. - Сшила бы из него платье. Смотри, туфли у тебя дырявые, прямо на босых ногах. Да и платье - я давно хотела сказать - тебе в нем не стыдно? Ходить в лохмотьях - уважать не будут.

- Хоть уважают, хоть не уважают, - ответила Алька, - нам плевать. Тебя-то уважать не за что. Ясно? - И решительно высморкалась.

ТУМАН

- Звонарева! К доске! Алевтина Звонарева, к доске!

В классе холодно. Ребята покашливают, двигаются за партами, дышат на руки. Чего-чего не надето и на девочках, и на мальчишках. Фуфайки, в которых они чуть ли не в детский сад ходили, бабушкины телогрейки, самодельные тапочки вроде веревочных лаптей и древние дедовы валенки, с подшитыми подошвами и кожаными заплатами.

Урока Алька, конечно, не знает, она переступает серыми валенками, тоскливо смотрит в окно, шмыгает маленьким красным носом.

Я знаю, почему она не знает урока. Вчера мы вместе ездили на ту сторону Волги, в правление колхоза, где мы осенью собирали свеклу.

Паром еще ходил. Стоим среди молчаливых женщин, закутанных платками. Молча смотрим на Волгу. Темная серая вода возникает из тумана и убегает в туман.

Мы спрыгнули на промерзший песок, твердый и звонкий, и долго шли по вспаханному полю. Поле возникало из тумана и пропадало в нем. Сухой снег припорошил коричневые борозды. Поле было похоже на ржаной хлеб, посыпанный сахаром или солью. Ближние вороны казались серыми крылатыми призраками, а дальние очень противно каркали из тумана.

Мы шли, шли и шли, а поле все возникало из тумана и скрывалось в тумане, и казалось бесконечным.

Я давным-давно решила, что мы заблудились, но Алька тихонько насвистывала сквозь зубы веселую песенку и твердо шагала по смерзшимся комьям. И я молча шла за песенкой, и вот уже слева и справа из тумана тянутся ветки, а вместо борозд я уже натыкаюсь на замерзшую грязь знакомой лесной дороги.

Сама для себя, успокоившись, сочиняю сказку. Про Лешика, маленького лесовика...

«Туман был густой, белый и мокрый, и заполз во все до единой дырочки на земле, каждую норку - всюду пролез туман! А еще туман был скользкий, и Лешик весь перепач-

кался в грязи, так часто падал, поскользнувшись. Туман уцепился за каждую травинку, клочьями висел на кустах, а у деревьев видны были одни пеньки. Может, туман откусил у деревьев все вершины.

Лешик не знал, что творится в этой неведомой стране, возникшей на месте его родного леса...

- Александрова, выручай подругу! К доске!

Меня или Наташу? Лучше бы Наташу. За вчерашний день я твердо усвоила только одно: сколько свеклы нам с Алькой причитается, и какого числа мы должны явиться за нею с санками по зимнему пути, когда Волга окончательно станет.

ЛЕНИНГРАДЦЫ

Часа в три я выскочила на крыльцо госпиталя: к пяти надо было в школу, а до этого забежать домой, чтобы пообедать и взять портфель. В госпитале мы с подругами дежурили через день. Кормили раненых, которые не могли есть сами, писали и читали письма, перематывали выстиранные бинты, в общем, делали все, что могли. Раненые называли нас - «сестрички». Мы еще в сентябре пришли в свою бывшую школу и, очень стесняясь, спросили, не можем ли помочь. И с тех пор аккуратно дежурили там с одиннадцати до трех. Уроки делали с утра, в школу ходили вечером: мы уже были старше, в шестом классе и учились в третьей смене. Школа теперь размещалась в бывшей церкви.

Возле крыльца я увидела Альку. Она прыгала и махала руками - ждала меня. Рыжие, вернее, оранжевые ее волосы торчали короткими прядями вокруг розового лица, узкие зеленые глаза блестели, веснушки сияли на щеках. В общем, обычная Алька, одетая в свое будничное платье, перешитое из старого бабушкиного халата. Бумазея этого платья стала похожа на марлю, а маленькие дырочки, в которые превратились голубые горошины, нам с Алькой уже надоело зашивать. На ногах Альки были синие резиновые подбоя обуви, сделанные кем-то из отходов производства на местном шинном заводе. Мои ступни обтянуты такими же изделиями малинового цвета.

- Быстрее, быстрее! - торопила Алька. - Там ленинградцев привезли, в соседний госпиталь! - Она дружила с мальчишками, которые почему-то считались городской шпаной, и всегда все знала.

Мы быстро пробежали несколько улиц, перелезли через изгородь парка, нырнули в какую-то дыру между заборами и очутились в школьном, вернее, больничном саду. В городе почти во всех школах были госпитали или казармы. Широкие окна школ были крест-накрест перечеркнуты защитными бумажными полосками. Была весна сорок второго года.

Мы выглянули из-за деревьев. В школьном дворе стояли санитарные машины. Люди в белых халатах быстро, почти бегом, несли пустые носилки к машинам и возвра-

щались медленно, осторожно ступая по дорожкам. Маленькие фигуры на носилках были покрыты простынями. Нас поразила тишина. Люди не говорили ни слова.

По дорожке, навстречу нам, шла пожилая женщина. По широкому доброму лицу ее текли слезы, заполняя морщины на щеках и подбородке. Крепко прижимая к себе, обхватив за ноги, несла она кого-то в белой рубаше, и слезы капали на эту рубашу, оставляя темные пятна. Когда женщина миновала нас, мы увидели лежащую на ее плечах голову того, кого она несла. Тонюсенькая шея не могла удержать эту голову, большую, желтую и костлявую. Огромные глаза до жути серьезно смотрели из черных впадин. Мы вздрогнули, увидев этот взгляд. Высохшие желтые руки бессильно висели вдоль спины женщины, несоразмерно большие кисти качались в такт шагам.

- Пошли отсюда, пошли, - тянула меня Алька, и мы пробирались к забору, натываясь от слез на деревья.

На улице, не глядя друг на друга, медленно пошли по теплой пыльной тропинке. Улица была старая, поросшая травой. Деревянные дома на ней, серые, одноэтажные, смотрели темными крохотными окошками, пахли пылью, ладаном и мышами. У глухого гниловатого забора сидели две толстые бабки с длинными и острыми, как у хорьков, лицами. Это у них выменяли мы на базаре наши школьные завтраки - сухари и сахар, скопленные за месяц, на разноцветную резиновую обувь.

- ...а этим ленинградцам, - говорила одна бабка, - рис будут давать сегодня, с мясом...

- А нам - шиш с маслом! - поддакнула вторая.

Алька остановилась, закусил побледневшую губу. Сказала отчетливо и звонко:

- Мы вам, спекулянтки несчастные, курицы безмозглые, все окна выбьем, если заикнетесь еще про ленинградцев!

Опять потянула меня за руку и мы быстро пошли, и пыль от наших шагов еще долго висела на узкой улице.

ИЮЛЬ СОРОК ВТОРОГО

Наши палатки стояли на горке в лесу. Вечерами солнце зажигало над нами костер на вершинах самых высоких сосен. Очень похожий на костры, которые мы разводили под их корнями чуть позже, когда солнце уходило от нас.

Внизу, под горкой, по чистому желтому песку и белым круглым камням текла лесная речка, собирала в себя воду из родников: их было много в зеленой траве и во мху. На эту речку мы ходили за водой.

Палатки наши, выдавшие виды, с заплатами, достались нам от воинской части, стоявшей в школе перед отправлением на фронт. Командир части, смотря на серьезных худых детей, на их учительницу, тоже худенькую, озабоченную и добрую, отдал нам списанные палатки и котел полевой кухни. Учительница побывала в райкоме комсомола,

договорилась, и под огромными соснами на горке встали палатки, выгоревшие, как гимнастерки на солдатских плечах.

Еще палатки были похожи на паруса лодок, а трава - на волны зеленого моря. Так решили мы, и очень полюбили свой лагерь, друг друга и наших вожатых - высокую светловолосую Лиду и кареглазую Ниночку, десятиклассниц нашей школы. Все мальчишки из их класса были на фронте, и Ниночка каждую неделю ездила в город за письмами. Вожатые по многу раз перечитывали каждое письмо. Особенно много белых треугольничков приходило от парня, которого Лида называла - «Нинкин Володя».

Больше всего мы любили ночные дежурства, и дежурили в свою очередь и вместо тех, кто огромной синей но-

чи, звездам и костру предпочитал мягкие сеники в палатках. Готовились к ночному дежурству заранее. Картошки и хлеба достать было нельзя, но грибов в лесу мы собирали множество и прятали в кустах: вожатые строго-настрого запретили питаться ими. Несколько неопытных грибников, объевшихся в первый день лагерной жизни своей добычей, испортили все дело.

Но мы все равно варили в солдатском котелке над костром великолепную густую похлебку из маслят, подосиновиков, подберезовиков, боровиков и сыроежек. Ведь щи из щавеля и картошки, каша из пшеничных зерен и наша любимая мучная каша (крупным достоинством ее была возможность добавок, каша очень разваривалась, росла в котле прямо на глазах), словом, все, что готовила в котле полевой кухни наша школьная повариха с помощью вожатых, устраивало нас по качеству, но по количеству этого было явно недостаточно.

В этот раз мы забыли принести воды. Весь лагерь уже спал. Небольшой костер горел на опушке за палатками. Мы несколько раз обошли лагерь. Все было спокойно, тихо. Игорек Кочерыжкин, захватив котелок и ведро пошел к реке, но скоро вернулся, сказав, что повредил ногу.

В лесу стояла тишина. Только иногда кричал кто-то, непонятно и страшно. Темная сырость надвигалась на костер. Я взяла котелок и ведро, пошла к знакомой тропке.

Но через несколько шагов дорога стала совсем незнакомой. Лохматые чудовища протягивали свои корявые лапы со всех сторон, хватали за плечи, лизали мокрыми языками. Я нарочно останавливалась, трогала руками кусты, гладила их и уговаривала: «Ну, вы что, вы чего меня пугаете? Ведь я же своя!» Чудовища уползали в кусты поглубже, смотрели поблескивающими глазами, хихикали и шипели. Вдали ревели неведомые звери, и я успокаивала себя тем, что это коровы на скотном дворе. Но твердо знала, что рычат тигры, львы или ихтиозавры. Из глубины веков.

Несколько раз я чуть не повернула к костру. Потом поняла, что заблудилась: обычно до реки не больше пяти минут, а я шагаю уже минут пятьдесят, не меньше.

Тогда я стала думать о наших партизанах. Как они

пробираются ночью по лесу, подходят к деревне и не знают, что встретят там, кто ждет их за темными стволами, в избах с черными окнами...

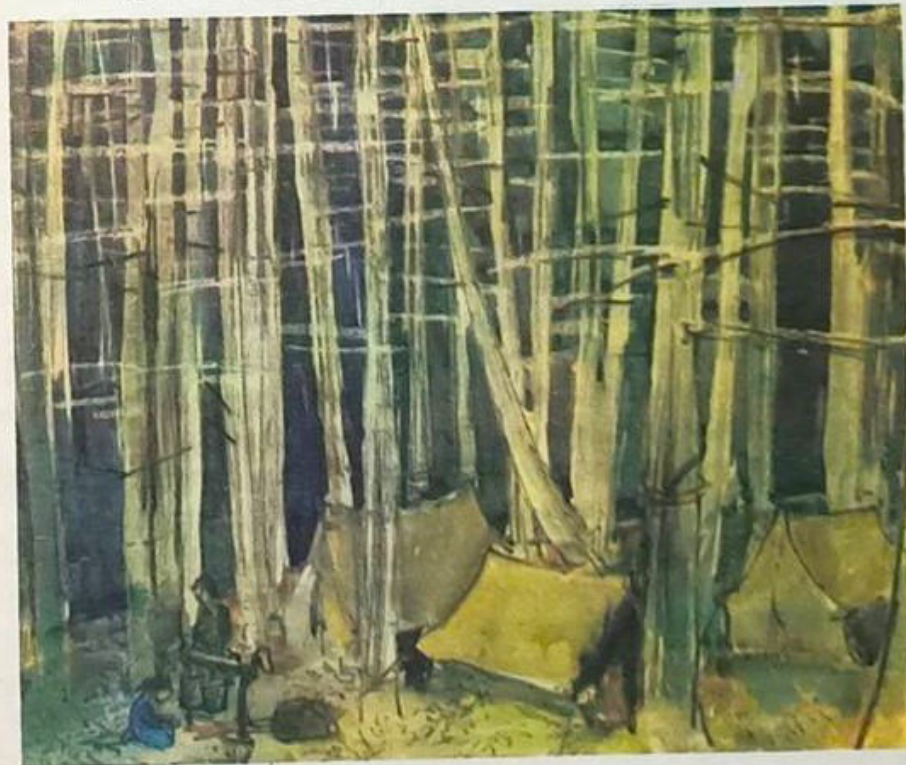
Послышалось журчание воды. Босыми ступнями чувствую знакомые уступы тропинки. Река блестит в темноте, светлые струи обтекают камни. На середине реки я зачерпнула самой чистой, прозрачной воды, напилась. Капли звонко падали из котелка в речку. Набрала еще воды. По темной тропе поднялась к костру. И мы повесили котелок над огнем.

Когда доваривалась похлебка, а мы осторожно сыпали в котелок, прямо в душистый пар, добытую днем соль, пламя осветило худощавое лицо, знакомые светлые глаза. Над костром стояла вожатая Лида. С тоской взглянув на грибы, я машинально вспомнила тогдашнее присловье:

- Все пропало, Бобик сдох...

- Тузика зарезали, - задумчиво согласилась Лида и ушла в темноту, не сказав больше ни слова.

Мы радовались костру, грибной похлебке, чаю, для ко-

торого днем набрали много малины и поздней земляники. Радовались луне, неподвижно стоящей в темных ветвях сосен, там, где солнце вечерами зажигало свой костер. Радовались тишине в лагере и спокойному лаю собак в соседней деревне.

Был июль сорок второго года.

Через некоторое время я узнала, что в один из этих дней в военном госпитале умер мой отец. Он был красногвардейцем еще в Гражданскую. И сейчас на фронт пошел добровольцем. Долго уговаривал в военкомате взять его, не подходящего по возрасту.

ПОХОДКА

- Раз-два! Раз-два! - по центру города, посередине главной улицы, шагают матросы.

Редкие прохожие, старики или дети (кому еще ходить по улицам в рабочее время в сорок третьем году?) останавливались, серьезно, долго смотрели вслед матросам.

- Раз-два! Раз-два! - Ветер рвет ленты на бескозырках. Отглаженные блузы, на плечах - воротники в виде коротких мушкетерских плащей. Дружно взлетают руки. Четко ударяют подошвы по мостовой: Раз-два! Раз-два!

А вслед за ними шагала я. Шагала и думала, как хорошо я иду, как слаженно движутся ноги, в такт махают руки, и уж наверняка не выделяется то, что в далеком будущем станут называть альпинисты пятой точкой, и выпуклость которой я презираю всей душой, абсолютно...

Я уже в седьмом классе. Весна сорок третьего года. Все довоенные запасы одежды давным-давно кончились. Запасы белков, жиров и прочего в организме - тем более. Я очень люблю читать. На днях прочла о походе. Походка и человек! Походка у женщины! Красота, изящество, благородство, сила воли - все выражено, все отражается в походке. И я думаю, как стройно, как подобранно выглядит моя фигура.

Посередине тротуара - круглая черная дыра, из которой выглядывает голова на тощей шее, лицо землистого

цвета, рот до ушей. Другой водопроводчик сидит на круглой железной крышке водопроводного люка, курит. Рядом красная тряпочка на палке.

- Гляди! Во крокодила-то! - говорит тот, кто в круглой дыре, сует папиросу в рот и показывает на меня пальцем. Его товарищ весело кивает.

То, что это определение относится к моей внешности, ко мне, приостановило меня, заставило в задумчивости опустить голову. И только прекрасный вид шагающих моряков, - ленты вились над синими полосками воротников, воротники плескались по ветру, клеши, - вывел меня из этого состояния. И до самого маминого госпиталя я шагала, стараясь не сбиться с четкого такта обутых в блестящие ботинки ног.

- Раз-два! Раз-два!

ФОРПОСТ

Это была первая моя настоящая работа. За нее мне платили триста рублей и дали рабочую карточку на хлеб и на продукты. А еще мне, четырнадцатилетней, дали двадцать детей в возрасте от семи до десяти лет. Они жили в домах завода «Красный химик». Что-то вроде городского лагеря для отдыха и занятий. Это называлось - форпост.

Конечно, можно было бы сидеть рядом с домами на грязном, в осколках кирпича и бутылок, в обрывках железной проволоки вместо травы, пустыре. Пыль, всегда сухо. Грязь после дождя. Дым от фабрик вместо облаков. Остатки сломанного забора вместо деревьев.

Денег на любые билеты - в парк или на трамвай у нас не было. Ну и ладно. Идем в Бутусовский сад. Не пускают. Что делать? Мы спокойно обходим кругом и я подсаживаю своих двадцать малышей, одного за другим, и мы перелезаем через забор и гуляем в саду сколько хотим. На следующий день идем во Дворец пионеров, беру в читальне сказки и читаю ребятам. Потом пошли на Волгу, на обратном пути попали под дождь и все промокли.

И тут я увидела трамвай - тот самый номер, который

шел к домам «Красного химика». Мы, все двадцать человек, вскочили в трамвай. И было так весело. Но все испортил злой человек. Злые люди, как и добрые, были во все времена. Кондукторша, злая тетка, потребовала взять билеты на всех. А у нас не было ни копейки. Неужели она не видела, как промокли мои малыши? Словом, нас выгнали из трамвая.

Но мне все равно удалось превратить этот печальный случай в веселое приключение. Трамвай понесся, а дождь хлестал. И мы бежали вслед за трамваем под проливным дождем. Бежали и смеялись, и кричали. И я все время считала, все ли на месте, все ли двадцать человек тут.

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Во время войны. Это я так говорю - «во время войны». Наверное, время не надо сюда впутывать. Оно ни при чем. Время есть время, оно идет себе и идет. Откуда? Куда? Из бесконечности? В бесконечность? Или от какой-то точки отсчета в какую-то другую, конечную? Едва ли. Скорее всего, все-таки из бесконечности в бесконечность. Так лучше. Значит, ближе к истине.

Нет, все же странно звучит это привычное - «во время войны». Время само по себе. Война сама по себе. Во всяком случае, ежели люди будут заниматься войнами друг с другом (друг с другом, друг против друга - смысл-то каков!), то они так и не узнают, что такое время, откуда оно идет, куда...

Время идет само по себе. Люди воюют сами по себе.

Если в средние века абсолютное большинство людей, за исключением нескольких мудрецов, нескольких на всю землю, благополучно полагали, что время - это день, ночь и сутки прочь, то теперь пришло время людям узнать, что такое время и почему вертится земля.

Ну ладно, это надо решать философски. Во время войны самые простые вещи смотрятся совсем иначе. Например, еда. Еда была трудность, событие. Столько времени и сил тратилось ради нее. Может, потому столько воспоминаний связано с ней, о ней, про нее.

После войны еды - кто уже жил тогда, помнит - тоже не хватало. Не хватало долго, лет десять, наверное. Мы читали Сомерсета Моэма. Он пишет, что согласен ежедневно питаться бараньим рагу с картошкой, лишь бы делать свое любимое дело, а не что-то другое и нелюбимое. Мы были вполне с ним согласны. Баранье рагу с картошкой - это было бы так прекрасно! Да еще каждый день.

Однажды у нас к обеду была курица. Самая настоящая курица, свежая, упитанная. Ее прислал маме из деревни раненый, которого мама вылечила! Мама все хотела отослать курицу обратно. Но, во-первых, раненый мог обидеться. Во-вторых, курица (она была уже без головы) вполне могла не перенести обратного пути и протухнуть. А

в-третьих, раненый, зная мамину строгость, обратного адреса не написал.

Когда мы варили ее, в квартире пахло так, что сразу вспомнилось детство и довоенные годы. Курицу торжественно варили в большой зеленой кастрюле, которая давным-давно отвыкла от такого аристократизма, предоставив себя, объемистую вместительную, в распоряжение более демократических картошки, свеклы и турнепса.

Бульон в кастрюле булькал и фырчал, будто поплевывая на нас сверху и презирая нас, недостойных его отве-дать. И оправдал свое королевское название, свое гордое французское имя.

Рядом с плитой, на чистом вымытом столе, лежала горка домашней лапши. Для такого случая на базаре был куплен стакан муки, замешана и приготовлена лапша. Она-то и сохла по всем правилам на солнышке, на выструганном чистом столе.

Мы все - мама как раз по этому поводу пораньше пришла из госпиталя - сидим за большим столом. На нем большие чистые тарелки, блестящие алюминиевые ложки.

Матрешенька появляется на пороге - румяная, нарядная, в чистом фартуке, в белом праздничном платье, в ее руках зеленая кастрюля, горячий пар поднимается от нее. Матрешенька важная, как богиня, сияющая, как ангел, и лицо ее плывет в облаке пара, как лицо богини или ангела. И лицо, и глаза плывут как в воде, как в тумане.

Она шагает через порог и - ой, лучше бы не видеть этого, да ладно, что поделаешь, чего не бывает на свете, - мы видим ее растерянное лицо, слезы на глазах и зеленую кастрюлю, лежащую вверх дном возле порога.

Что и говорить, мы все бросились к Матрешеньке, стали утешать ее и уговаривать, собирать ладонями мокрую горячую лапшу и остатки бульона и отправлять это обратно в кастрюлю. Матрешенька все это время сидела на стуле и плакала, а мы отнесли кастрюлю на плиту, налили в нее воды и долго уговаривали нашу милую нянечку, что ничего страшного не произошло, - курица-то осталась цела! Ну, а бульон? Бульон сейчас сварится снова. И лапша цела.

МАЛЬЧИШКА НА БАЛКОНЕ

Когда мамин госпиталь стоял в Ярославле, мама взяла нас к себе. Отец был на фронте. Мы перешли в пятый класс.

В войну самые сильные и здоровые люди - уже не работники, они на фронте. Их работу делают те, кто послабее. И кормят солдат. И, конечно, в стране голодно. Очереди, чтоб отovarить карточки. Мы стояли в очередях попеременно: сначала Матрешенька, потом Наташа, потом я, потом приходила опять Матрешенька.

Когда война, очень много времени уходит на еду. Конечно, не на то, чтобы поесть - это минутное дело. А чтобы достать еду всеми правдами. Неправдами, возможно, тоже доставали, но мы абсолютно презирали таких. Среди наших друзей таких не было. Может быть, очень уж потихоньку добывали что-нибудь неправдою, но все равно мы бы узнали. Если сытый голодного не понимает, то голодный сытого сразу видит, знаю по опыту.

В первобытные времена убьют носорога или мамонта - и пир на весь мир. В средние века князь вдруг позовет всех к столу, а на столе бык печеный, в боку нож золоченый. А мы для этого поработаем в колхозе. Копаем картошку - одиннадцатое ведро себе. И тащим ее на себе в город. А зимой еще получим заработанные свеклу и капусту.

В госпиталь к маме за обедом ходили по очереди: день я, день Наташа. Иногда мама сама приносила. Но ей неловко: офицер несет банки. По улице идти ничего - идешь и идешь, машешь сумкой. Идти надо по длинным пустым улицам, по тротуарам, от которых остались крошки, - в войну тротуары не чинили.

Чтобы дорога была короче, я обычно загадывала - если дойду до ближайшего фонаря и не оступлюсь, произойдет какое-нибудь хорошее событие: наши возьмут какой-нибудь город, я получу пять, в библиотеке попадется хорошая книга, выздоровеют мамин раненные, сегодня в столовой дадут котлеты. Фонари стояли длинные, тонкие, как воспоминания о светлых мирных вечерах. Сейчас они по вечерам не горели - затемнение.

В сумке у меня были две банки - для первого и для второго. Крышек не было. Завязывали пергаментной бумагой или тряпочкой. Быстренько войдешь в госпиталь. В кухне на раздаче положат в первую баночку теплого супа с макаронами или крупой, во вторую - немного каши, кусочек рыбы или мелкую котлету. И быстро пробежишь через госпитальный двор. Идти по двору госпиталя не по себе, будто из всех окон смотрят, и все встречные заглядывают в сумку, будто несешь чужое, украденное. А ничуть не украденное: мамин обед или ужин. Врачам полагались обеды и все брали и питались. Только те, у кого дети были близко, старались отнести обед домой, а сами обходились хлебом и чаем.

Я быстро шла по школьной дорожке (раньше здесь была наша 43-я школа, а теперь она в немецкой кирхе) мимо санитарок в белых халатах, мимо выздоравливающих в серых пижамах. За школьной калиткой вздохнула с облегчением. Идет девочка, несет черную сумку с продуктами, обычная картина.

Безлюдная улица. С одной стороны тянулся городской парк за высокой оградой, с другой - ряды одних четырехэтажных домов, построенных перед войной. Бомбежка однажды застала меня по пути в госпиталь в парке, осколки со свистом врезались в землю, спрятаться можно было только под кустом, за деревьями, а что толку? Хорошо, что самолеты быстро улетели и тревога кончилась. Но с тех пор я старалась держаться поближе к домам, чтобы спрятаться в подъезде или в убежище.

Окна и балконы вроде наших московских. С одного балкона свесился мальчик, большой, моего возраста. Он маялся от безделья. Увидев меня, он радостно плюнул. И снова гоготнул, взбрыкнул, еще сильнее свесился с балкона. Плевал он долго и энергично. Но толку не было. Попробуй доплюнь с третьего этажа до девчонки, когда дует ветер, а девчонка отошла с тротуара на мостовую, догадалась, что она и есть движущаяся мишень для плевков. И, не обращая внимания на этого дурака, я пошла дальше.

Но этот оболтус, видя, что мишень скрывается с его глаз, собрал весь свой ум, схватил какую-то гадость, какую-то грязь с балкона, запустил мне в спину, заржал и заскакал на балконе, видя, что попал.

К сожалению, он угодил очень точно. Тяжелый ком земли, видимо, из цветочного горшка, стоящего на балконе, пробил бумагу и угодил в банку со вторым. А второе как раз было макароны по-флотски, то есть перемешанные с провернутым мясом. Дома я сквозь слезы озябшими пальцами - зима, а Матрешенька молча и сурово - очищала мокрые макароны от налипшей земли, пытаясь разглядеть, где бурые комочки земли, а где - кусочки провернутого мяса.

МАЛЬЧИК ИЗ БИБЛИОТЕКИ

Уроки мы делали в библиотеке. Дома трудно. Свет часто выключают. Энергии городу не хватает, все идет на военные заводы.

Сидим в кухне. К газовой горелке еще папа незадолго до ухода на фронт, до своей смерти, приделал резиновый

шланг - на конце горит маленькое синее пламя, а вокруг него кроме меня еще пять школьников размещаются. Да и взрослые вечером - все в теплой кухне, у плиты. Пока поговоришь со всеми, самое время спать, уроки не сделаны.

Библиотека - другое дело. Там было темновато. Небольшие лампы неярко светили под потолком. Настольные горели только до войны. Общий зал, где мы занимались, набит битком. Читальня полна старшеклассников. В нашей школе одни девочки, а тут парнишек сколько угодно. Длинные, худые, серьезные. Наверняка были и коротенькие и не очень серьезные, но я сама была высокая, вот и помню этих.

Вон в углу тот парнишка, с которым мы так неудачно танцевали в их мужской школе. Я вмиг узнала его. Будто теплом и светом повеяло из того угла. И вся его ладная фигура в чем-то синем возникла перед моими глазами, когда он забирался на стол или на стремянку к верхним книжным полкам. Может быть, он никуда и не забирался, а это был в моем сознании для него этакий своеобразный «умственный пьедестал», на котором он и без стремянки возвышался, не знаю. Отчетливо помню - ладная синяя фигурка в другом конце комнаты, под потолком, на фоне желтоватой стены. Он взглянул на меня и отвернулся. То ли узнал, то ли нет. Мне не было ни тяжело, ни обидно. Только хотелось объяснить, что на самом деле я танцую очень хорошо. Просто так нескладно получилось. И жалко, что никак ему это не объясню. Наверное, он меня не узнал. Ну и ладно!

У стола, где работают две молодые библиотекари с усталыми лицами, выбрала книги. Народу в библиотеке сегодня очень много. Мой любимый стол по соседству с полкой занят. Растерянно, с большой кипой книг, сажусь на единственное свободное место недалеко от библиотекарей. Рядом на столе - раскрытые книги. Какой-то парнишка склонил над ними голову. Я предпочла бы в соседи девочку, но что поделаешь. Сунула портфель под стол. Открываю книги. Сначала выучила химию, потом - немецкий, потом стала читать рассказы Льва Толстого. Начала с «После бала», заданного по литературе. Учебников в классе нет

почти ни у кого. Переписываю карандашом самое важное и интересное в тетрадь. Все, что может пригодиться девочкам. Записываю какие-то свои мысли. И внезапно чувствую взгляд.

Со мной, за одним столом, столько времени сидит тот самый мальчик, худой, серьезный, в синей футболке. Я, как ни в чем не бывало, читаю, записываю, но уже не понимаю ничего.

СУХОЙ ТРАМПЛИН

В воскресенье мы катались на лыжах в Лефортове.

Глубокая зима, старинный парк, тихий и прекрасный, утонул в снегу, и не поймешь, что выглядывает из сугроба: ротонда времен Петра Первого или газетный киоск. Синее

небо, тишина, безлюдье. Тропинками пробираемся к горам. Катимся, будто внутри узора на замерзшем окне. Только сороки выскочат, покричат на нас для порядка и - назад в белые кусты.

Весь народ на горах. Горы будто с неба обрываются, до того высоки. Внизу под белыми кручами - замерзшая Яуза. Люди у подножия бегают, суетятся, шевелят тощими ножками и ручками, маленькие, бесшумные, черненькие, как муравьи. Они кажутся не больше карандашного огрызка, или грифеля из него, в зависимости от количества одежды - упитанность всех обитателей данного места планеты Земля была почти одинакова.

Мы на самой высокой крутой горе. Народ тут - в основном мальчишки. Девочки катаются на горках пониже. Совершенно точно сказал Пушкин: «Мальчишек радостный народ». Один мальчишка катался бы молча, задумчиво. А вместе они и вправду радостный народ.

Взрослых вообще нет: зима сорок четвертого года, война. Большинство мужчин на фронте. Женщины на работе с утра до ночи, и в будни, и в воскресенье. Если и выпадает свободное воскресенье, дай Бог управиться с домашними делами.

Мы, несколько девочек из восьмого класса, оказались тут только потому, что дорога из нашего дома ведет прямехонько на эту высоченную гору.

Мальчишки летят с горы, будто ими выстреливают из пушки. Иногда воют, как снаряды. Падают всегда молча.

Мы с мальчишками вот уже два года учимся в разных школах. Школы разделили на мужские и женские, когда мы учились в шестом. Старшая сестра - она кончила десять классов перед войной - дразнилась: «Мы-то учились вместе, а ваши школы разделили. Как туалеты. Учитесь теперь врозь». Отношения у нас с мальчишками самые примитивные - этакое взаимное презрение, что ли. Мы их презираем, они - нас.

Мальчишки, пригибаясь, летят с горы, подпрыгивают на трамплинах, и когда становятся величиной с запятую, медленно, будто отдыхая, катятся по замерзшей Яузе, теряются среди других таких же черных точек и запятых.

Мальчишки как правило в полушубках, вернее в шубах, шитых на вырост, в каких застала их война в сорок первом году. Мальчишки, ничего не поделаешь, росли, шубы превратились в полушубки, у некоторых рукава надставлены, у других торчат худые красные руки, хлястик где-то на лопатках, карманы чуть не у подмышек. У всех поголовно ушанки, отцовские военные или довоенные, или крошечные детские малахайчики, которые до войны были в пору, или шапки с серо-зеленым верхом из меха неизвестного серо-зеленого животного, они выдавались тогда по ордерам. На ногах у мальчишек, да и у нас, большие разношенные, подшитые, заплатанные валенки, чаще всего принадлежавшие взрослым, ушедшим на фронт. Лыжи - у кого какие, самые фантастические, есть даже треугольные. Иногда лыжник вылетает из своих валенок. Валенки с лыжами остаются в одном сугробе, а сам мальчишка головой вперед пикирует в соседний. Девочки катаются аккуратнее, из больших валенок не вылетают.

Почти все одеты в черное, будто носят траур по ярким мирным одеждам, по давно забытой моде. Но этот своеобразный траур - не дань моде, хотя у большинства кто-либо из родных погиб или ранен, или воюет; а просто цвета различаются на маркые и немаркые. Ведь мыла выдавали по карточкам - столько (на этакого шкета - полкило мыла на месяц), сколько по справедливости хватало бы на день; тут не до стирки. А одну вещь для подростка часто приходилось шить из двух-трех детских вещей. И ежели бы одна штанина оказалась, например, коричневого цвета, а другая - синей, или в клеточку, или в цветочек, то хотя на одежду внимания не обращалось, такой человек не внушал бы уважения. Помню, как Матрешенька долго кипятила, красила в баке то одну вещь, то другую, чтобы перешить потом, и длинные разговоры, как и в чем красить. О том, в какой цвет красить, разговоров не было. Вот и оказались все мальчишки в черном, за исключением тех, кто был в пегом или буром.

Мы тоже одеты кто как. На Ире меховая шуба с мамино плеча. На Маше - тоже. Во взрослых шубах они похожи на пингвинов. Галка - хрупкая, невысокая. Отцовского офицерского кителя (отец вернулся с фронта без ноги) вполне хватило на зимнее пальто, а для подкладки использовали Галкино детское одеяльце. У нас с Наташей пальто, которые мы носили в четвертом классе. А так как мы уже в восьмом, то эти пальто и надставляли и расставляли, и чем больше мы становились, тем меньше было в них красоты и изящества.

Я стою на макушке горы, заглядываю вниз и знаю, что с этой горы не съеду. Все равно что с парашютной вышки - без парашюта. Спуститься как-то надо, хотя бы до нижних горок, но лыжи приросли к горе. С трудом двигаю их назад - вдруг толкнут.

Мимо со свистом врезываясь в воздух, проносятся лыжники. Фигура согнута, палки и лыжи параллельны. Взлетает на трамплине, летит по воздуху, скрывается в снежной пыли.

- Сухой трамплин! Девчонка на Сухом трамплине! - орут вокруг нас мальчишки. - Во, чешет! Ну, дает!

Откуда-то снизу, из-под нависшей кручи, из-за сугроба показывается Наташа, в одной руке - палки, в другой - лыжи. Сует валенки в ремни, лезет к нам. Одна щека вся в крови. На вершине горы поворачивается, нагибается, палки назад...

- Правее! Левее! - орут мальчишки. - Там снег сдуло под гребнем! Сугроб обвалился! Сухой трамплин!

Наташа летит с горы, отталкивается палками на трамплине, очень долго летит под горой, где-то далеко внизу ее лыжи опускаются на снег. Обгоняя прочих лыжников, лезет вверх то лесенкой, то елочкой.

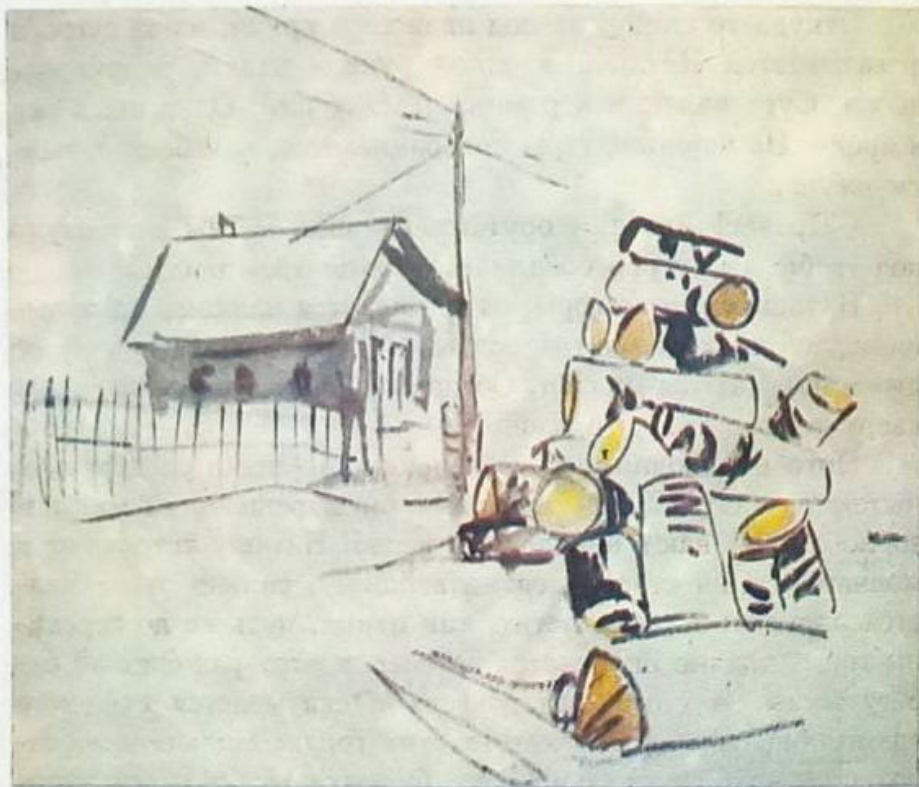
Пока она поднимается, мальчишки - один за другим - пытаются взять Сухой трамплин, но в решающий миг позорно сворачивают вправо или влево. Наташу встречают в молчании. Она становится на вершину, сильно отталкивается палками и снова летит, как птица, чуть не до середины горы, плавно опускается на снег, в этот раз едет по берегу Яузы. И опять лезет вверх и скатывается с Сухого трамплина, самого высокого в этих горах. Мальчишки, избравшие этот спуск, почти все бултыхаются в снегу неподалеку от своих лыж. Но даже те, кто благополучно спустился однажды, в следующий раз объезжают Сухой трамплин справа или слева.

Я позорно сажусь на лыжи и лечу вниз, захлебываясь от воздуха и снежной пыли, пока лыжи не разъезжаются подо мной и мы с ними сначала кувыркаемся вниз, а потом я долго ползаю по сугробам, подбирая палки и лыжи. Остальные девочки тоже спускаются с горы, кто по моим следам, кто по мальчишечьим.

А на следующий день, в понедельник, мы с Наташей после школы идем в районную детскую столовую обедать. Наш отец умер в госпитале в сорок втором году, мама-врач - на фронте. Вот нам и выдали талончики на питание, шесть талончиков на весь класс. Как правило, мы ходим в столовую все вместе, вшестером. Ходить туда мы очень не любим.

Долгие годы, и перед войной и в первые годы войны здесь был склад пищевых продуктов и хранился кофе молотый

и цикорий. Когда нечего стало хранить, устроили детскую столовую - кормили обедом тощих школьников и ребят из ремесленного училища.

Столовая огромная, гулкая, пустая и холодная. Где-то под черным провалом потолка желтеют лампочки, освещают высоченные нелепые колонны серо-зеленого цвета. Гладкие, чуть влажные, они уходили в невероятную высь и где-то далеко переходили в своды, покрашенные масляной краской. Внизу, под колоннами, стояли столы на высоких железных ножках, обитые алюминием. И стены и пол цементные, серые, и серые клеенки на столах, липкие и холодные. черные заплатки окон, загороженных черной светонепроницаемой бумагой. Смотришь на них и думаешь: «Зачем окна? Только мешают.»

Много столов между колоннами, за каждым - по шесть человек. Утром и в полдень здесь питаются рабочие, вернее работницы с соседнего завода, потом мы, потом - вечерняя

смена этого же завода. Пальто, шубы свои вешали на спинки деревянных желтых стульев.

Мальчишки сидят за столом, конечно, рядом с мальчишками, девочки - с девочками. Сидят, ждут, когда медленно двигая усталыми ногами, подойдут хмурые и молчаливые женщины с подносами, подавальщицы. На подносах - жестяные холодные тарелки. Иногда подавальщиц ждать не надо, тарелки уже на столах. Так было и в этот раз. Одна из подавальщиц отвела нас, шестерых девочек, к накрытому столу, дала каждой по небольшому ломтику вязкого хлеба. Мы опустили ложки в суп и быстро съели что-то мутное, холодноватое, которое даже в те времена не называли бы вкусным (у супа всегда был привкус, как будто туда набросали и разболтали стружек масляной краски с высоких, зеленых, грязных колонн), и поглядывали на плоские тарелки со вторым. Со вторым нам повезло больше. Наверное, его принесли позже и оно было еще теплым: коричневые волокна между золотистыми крупинками - пшенная каша с тушенкой. Самое вкусное блюдо! И тут... Тут что-то пролетело мимо моего плеча и шлепнулось в Наташину тарелку.

Мальчишки есть мальчишки, пускай голодные, пускай тощие, а показать себя надо, иначе что за жизнь. Кругом товарищи, смотрят на тебя, за столом - друзья. Ничего ради них не жалко. И вот один из этих обормотиков, дабы почтить себя лаврами хотя бы из столовского супа, нажевал хлеба из своей порции, прибавил для веса кусочка капусты или еще чего-то плавающего в супе, положил этот комочек на стебель ложки, ударил по другому концу - и летит снаряд. И хотя парень наверняка не целился, снаряд угодил как раз в Наташину тарелку, брызги жидкой каши разлетелись по столу, по нашей одежде, по лицам. Черный жеваный ком влип в золотистую кашу, как метеорит, покоился в центре небольшого кратера в окружении золотистых крупинки и коричневых волокон свиной тушенки. С соседнего стола доносился ехидный смех. Мальчишки держались за свои поджарые животики.

Наташа медленно поднялась из-за стола. Огромные, в пол-лица глаза стали совсем черными, губы плотно сжаты.

Мальчишки за соседним столом притихли. Только один из них, виновник происшедшего, тыкал в Наташу пальцем, извиваясь от смеха. С тарелкой в руках, Наташа шагнула к соседнему столу и...

- Я совсем ничего не помню, - смущенно рассказывала она мне потом. - Совсем ничего не помню, только чужие волосы под рукой, и рот, и нос, и щеки, и я эту противную кашу пихаю ему в рот и в волосы. Тьфу, гадость...

Потом мы все шестеро вышли из столовой. Сумерки превратились в темень. Темное небо, ни звезд, ни луны. Темная улица, ни света из окон, ни фонарей, - светомаскировка. От темной стены отделяются темные фигуры, перерегораживают улицу:

- Эти! Эти самые девки, они и есть! Вон та дылда длинная! И другая такая же!

Это про нас с Наташей, мы по тому времени были акселератками, так что от питания это не зависит - от чего-то еще.

Мы остановились у дверей. Деваться некуда. Назад в столовую? Кто поможет? Усталые подавальщицы?

Мы слышим:

- Окружай, ребята! Атанда! - И черная цепь, отделившаяся от стены, движется на нас.

Я отталкиваюсь от двери и иду на эту цепь. Рядом - Наташа. Кто-то из девчонок пищит, остается сзади, кто-то догоняет нас. Мальчишки тихо, угрожающе свистят, ругаются.

И вдруг высокий тонкий голос:

- Ребя! Да это та девчонка с Сухого трамплина! Ну, которая Сухой трамплин брала! Вон шапенция ее! Вон шуба! И валенки! Атанда! - И вражеская цепь рассыпалась.

Мальчишки, они мальчишки и есть. Смелых они уважают. Мальчишки - народ, в сущности, благородный.

СОДЕРЖАНИЕ

Опасное приключение	7
Папин письменный стол	10
Нечаянно	11
Мой отец - пилот	14
Кувшинчик	16
Стульчик	19
Осьминоги и корова	21
Наш день рождения	22
Наша Матрешенька	26
Картинка с базара	28
Бумажные салфеточки	29
Уважение	31
Елка	33
Самоделки	36
Путь в библиотеку	37
Шоколадная конфета	41
Флажки	43
Ямы для деревьев	46
Новогодний подарок	49
Мы с мамой шли за повозкой	
На крыльце	57
Дача	58
Маскарад	59
С вами буду жить!	61
Мальчишка за забором	63

Летний день рождения	66
Розовое варенье	71
Тетя Нюра	73
Дикий мед	75
Ежик	77
Камушки	79
Мороженое	80
За мылом	84
Не боимся лупеша	84
Игрушечная посуда	88
Рыба-птица-зверь	91
В тот день мы собирали щавель	92
Деревенские лепешки на сале	93
Алька	94
Туман	98
Ленинградцы	100
Июль сорок второго	102
Походка	106
Форпост	107
Во время войны	109
Мальчишка на балконе	111
Мальчик из библиотеки	113
Сухой трамплин	115

А46 Александрова Т.И. Друзья зимние, друзья летние/ Рассказы: Рис. автора. - Одесса, Два Слона - Вариант, 1992. - 128с.: ил. - (В кругу семьи).

Рассказы о мирном и светлом детстве в страшные тридцатые годы, о неприкрашенной жизни подростка во время войны - воспоминания для бабушек и ожившая история для их внуков.

Для младшего и среднего возраста

А $\frac{4702010201-059}{Б34(04)-92}$ Без объявл.

ББК 84.Р7

А 46

ISBN 5-8086-0041-3

Татьяна Александрова ДРУЗЬЯ ЗИМНИЕ, ДРУЗЬЯ ЛЕТНИЕ

Редактор А.В.Годинер
Художественный редактор Т.М.Токарева
Технический редактор К.И.Заботина
Компьютерный набор МП «ИВИКС»

Сдано в набор 21.06.91. Подписано в печать 14.11.91. Формат 84×108/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,72. Уч.-изд. л. 6,53. Заказ № 0211126.

Производственное редакционно-издательское предприятие
«Два Слона»

270001, Одесса, Пушкинская, 32.

Творческо-производственное предприятие «Вариант»
270044, Одесса, Французский бульвар, 33.

Комбинат печати издательства «Преса України»,
252047, Киев-47, пр. Победы, 50.

Предлагаем Вашему вниманию
информацию о некоторых сериях
нашей программы издания детских книг
«СЕМЕЙНАЯ БИБЛИОТЕКА»
Мы хотим, чтобы наши книги
стали радостью для Вашей семьи,
объединили людей разных поколений
и открыли им путь к пониманию друг друга
Мы надеемся также на диалог с читателями
о любимых книгах Вашего детства

В 1991 году в серии «ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА» вышли

«ТОМАСИНА»

знаменитая сказочная повесть-притча
американского писателя П.Гэллика

Сказки Клайва С. Льюиса, христианского философа и писателя:

«ПЛЕМЯННИК ЧАРОДЕЯ»

«ЛЕВ, КОЛДУНЯ И ПЛАТЯНОЙ ШКАФ»

«КОНЬ И ЕГО МАЛЬЧИК», «ПРИНЦ КАСПИАН»

«ПОКОРИТЕЛЬ ЗАРИ», ИЛИ ПЛАВАНИЕ НА КРАЙ СВЕТА»

«СЕРЕБРЯНОЕ КРЕСЛО», «ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА»

Эти книги, ставшие классикой англо-американской детской литературы
были написаны в те полтора послевоенных десятилетия, когда появились Карлсон, Муми-тролли, Чиполлино и многие-многие другие замечательные литературные сказки. У нас они переводились и издавались не так часто, и мы надеемся понемногу восполнить этот пробел.

В 1991 - начале 1992 года в этой серии выйдут

Х.-К.Андерсен «ПРЕКРАСНЕЙШАЯ РОЗА МИРА»

Веркор «СКАЗКИ ДЛЯ ГОРЧИЧНИКОВ» Пер. с франц. М.Яснова

Ханну Мякеля «ПЯЙВЕ И ЕГО ДОМ» Пер. с финск. Н.Кудряковой
и другие не издававшиеся ранее сказки писателей разных стран.

В серии «КНИЖКИ-МИНУТКИ»

(только с цветными иллюстрациями, не ограниченные тематическими рамками,
для семейного, классного и внеклассного чтения)

В 1991 году вышли и выходят:

Х.-К.Андерсен «Цветы маленькой Иды», «Стойкий оловянный солдатик»

Братья Гримм «Король-лягушонок, или Железный Генрих»

Л.Пантелеев «Фенька»

Царевна сера утица. Русские сказки

А.Ремизов «Морщинка»

В серии «ИЗ КНИГ КОТА БАЮНА»

(сказки, мифы, легенды, предания народов мира)

в 1991 - начале 1992 года выходят:

«ПРЕДАНЬЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ»

средневековые легенды в пересказе Н.Гарской

Выпуск первый:

«О короле Карле, рыцаре Роланде и Ронсевале»

«Король Артур и рыцари Круглого стола»

Выпуск второй:

«Тристан и Изольда», «Парцифаль», «Лознгрин», «Дон Жуан»

Выпуск третий:

«Тангейзер», «Гибель богов», «Золото Рейна»

«СЛАВЯНСКИЕ ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ»

Выпуск первый: «Сказки восточных славян»

Выпуск второй: «Сказки южных славян»

Выпуск третий: «Сказки западных славян»

«СКАЗКИ НАРОДОВ МИРА О ЖИВОТНЫХ»

«ЖАР-ПТИЦА»

Русские сказки из собрания А.Н.Афанасьева

В серии **«СТРАНА ИГРУШЕК»**

В 1991 - начале 1992 года выйдут:

Книжки-раскраски

З.Новлянская «Про Зюку и Казюку»

В серии **«В КРУГУ СЕМЬИ»**

(книжки о детстве, семье, школе, животных и природе)

в 1991 - начале 1992 года выйдут:

Т.Александрова «Друзья зимние, друзья летние»

С.Джемисон «Леди Джен»

Э.Портер «Поллианна»

С 1991 года мы начинаем выпускать коллекцию книг

«СЧАСТЛИВОГО РОЖДЕСТВА!»

В 1991 - начале 1992 года выйдут:

Книжка-ширма «Рождество»

Кот Мурлыка «Курилка»

и другие святочные истории

Заявки на книги принимаются по адресам:

270044, Одесса, Французский бульвар, 33

Творческо-производственное предприятие-издательство «Вариант»

270001, Одесса, Пушкинская, 32

Производственное редакционно-издательское
малое предприятие «Два Слона»

